

Глава V

АБИ ПАТША - ЦАРИЦА-БАБУШКА

Россия эпохи Екатерины II: идеи просвещительства и толерантности. - «Путешествие по отдаленным провинциям», посещение императрицей Казани и Булгарского городища. - Принятие закона о беротерпимости. - Строительство мечетей в Поволжье и на Южном Урале. - Мусульманские проповедники екатерининской политики в Степном крае.

1.

В середине XVIII века свеклу сеяли для листа, как зелень, и лишь позже пришли к выводу, что она полезней как корнеплод. Желтели первые на российских полях подсолнухи. Распространяться стали посевы «земляных яблок» - картофеля. Дымили прежде неведомые в российских домах самовары - тоже нововведение того времени...

Если птенцы гнезда Петрова за пределы арифметики, грамматики, тактики, фортификации, кораблестроения и металлургии почти не вылетали, сфер политической вольницы - конституции и крестьянской свободы - почти не касаясь, то в эпоху правления Екатерины II появились люди совершенно нового свойства - идеиные просветители. Это серьезные головы. Среди них и Новиков, и Фонвизин, и Никита Иванович Панин, и княгиня Дашикова, и Щербатов. Они, говоря о равенстве людей различных сословий, народностей и вероисповеданий, идут значительно дальше своих петровских предшественников, всерьез веря в преодоление рабства с помощью просвещения. Интерес они проявляют не только к быту русского крестьянства, но и к мусульманскому населению Поволжья, Урала, Сибири и Степного края. Верят в просвещение и в развитие таким способом душ и характеров. Говорят, что Новое время грядет, и их голоса в империи слышны.

Каждый из них по-своему представляет себе способ, каким с помощью распространения знаний исправляется политика и поврежденные нравы, а, когда-нибудь, самое позорное - крепостное рабство. Большинство из просветителей екатерининской эпохи говорят не об отмены рабства, а только лишь об «улучшении нравов». Они живут смутными надеждами на будущие преобразования. Князь Михаил Михайлович Щербатов, вздыхающий о преж-

ней неразвращенной допетровской старине, видит, что даже его собственные критические мысли есть один из плодов просвещения. Раздумывая над великим наследием Петра, он восклицает: «Могу ли данное мне им просвещение, яко некоторый изменник похищенное оружие, противу давшего мне во вред обратить?».

Абсолютно чистые типы просветителей встречаются редко, но в разных дозах идеи просвещения присутствуют у множества людей верхнего слоя страны. Никто просвещению не чужд, даже петербургский обер-полицмейстер из соображений справедливости предлагает безвинно пострадавшим выжигать перед незаслуженным клеймом «вор» частицу «не» - человек с надписью на лбу «не вор» чувствовать себя должен много спокойнее.

Прежде, при Петре, восторгались указами, запрещавшими самоуничтожительное «холоп твой Ивашка», теперь же доброе предзнаменование видят в запрещении сечь литераторов недворянского происхождения. Употребление слов, унижающих достоинство, как то «раб» или «раб твой», Екатериной II запрещено. Императрицей уже написана «Ода на истребление в России названия раба» - «Красуйся радостью, Россия, Восторгом радостным пытай...» и прочая, и прочая.

Правительство Екатерины не просто заигрывает с французскими просветителями, известная европеизация дворянства в интересах государства, и самих дворян. С одной стороны, без этого можно отстать, попасть за борт истории, но с другой - из Парижа доносятся тревожные якобинские песни и грохот пушек, напоминая о возможном будущем и для России, торопящейся за передовыми державами. Появление Новикова и Радищева становится признаком, что дело может зайти весьма и весьма далеко.

За тридцать четыре года царствования Екатерине приходится во многих своих сподвижниках разочароваться, а кого-то и упрятать подальше, но за то же самое время публикуются около семи тысяч книг общим тиражом около семи миллионов экземпляров. В империи печатаются около ста периодических изданий.

Наличествует, наконец, и взгляд консервативный, отрицающий пути, которыми идет новая Россия, и движение к будущему видящий в пути через прошлое, через возвращение к утраченной нравственности. Упомянутый выше князь Щербатов пишет сочинение «О повреждении нравов в России», жесточайше критикуя екатерининское просвещенное западничество. «Мы подлинно, — пишет Щербатов, — в лукоти и в некоторых других венцах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей. Но тогда же гораздо с вицей скоростью бежали к повреждению наших нравов».

Что представляет собою в это время огромная страна? Данные о пространствах и народонаселении, по-прежнему, приблизительны.

Елизавета Петровна, мечтая о коронации, которая должна была совериться через полтора года, отправляет на Камчатку штабс-фурьера, с тем, чтобы тот доставил к торжественному моменту «пригожих девиц» из местного населения Камчатки. Прошло шесть лет. Лишь на четыре года позже коронации штабс-фурьер с отобранными камчатскими девицами достиг на обратном пути Иркутска и там услышал, что с выполнением царского поручения сильно запоздал...

Ближе к концу правления Екатерины II на огромных пространствах проживало около сорока миллионов подданных. Из них треть — в Центральной России, много — в западных и юго-западных губерниях, но, чем дальше на юг и, особенно, на восток, тем гуще, просторнее, безлюдней. На всю Сибирь вместе с местными кочевниками сдва ли наберется миллион.

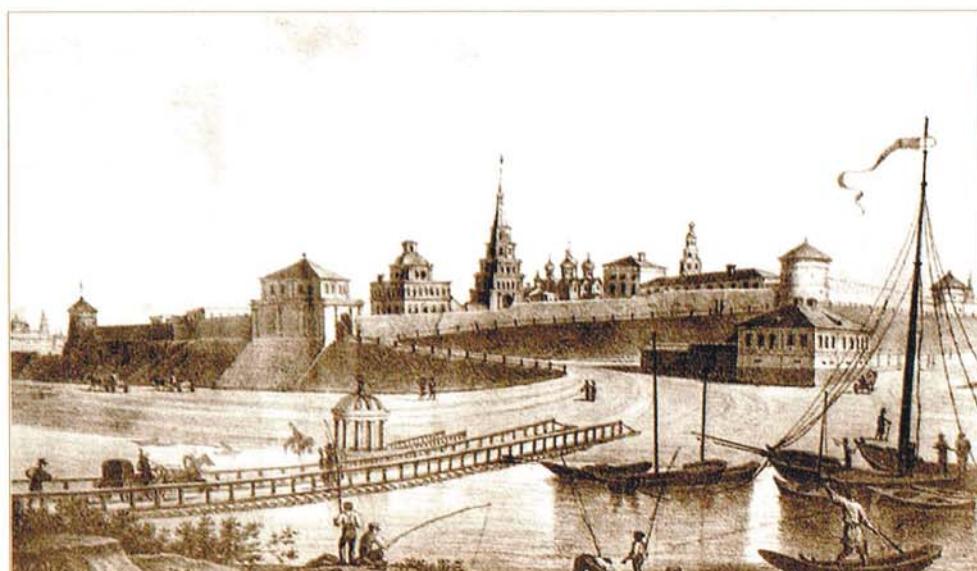
Редкими островами в лесном и степном океане выселятся города и городки. К концу царствования Екатерины II их становится шестьсот десять.

Приманкой, насилию, как угодно заселить пустующие пространства — вот идея императрицы. Она так увлекается, что серьезно вынашивает вместе с Потемкиным план договора с английским правительством о переселении английских каторжников в причерноморские степи для их освоения. Провинившихся англичан мечтается взять под императорскую опеку и перевоспитать! Посол в Лондоне Семен Воронцов гордился тем, что сумел затормозить этот безумный проект.

Итак, огромные, почти незаселенные пространства, неизведанные недра, неизученные реки и леса. Наконец, народы. Неизвестные, малопонятные. А на краю этих пустынных земель — Санкт-Петербург, столица.

Здесь на балах при дворе зажигают до ста тысяч свечей. Тут начинается мир, где парадное платье фаворита Потемкина стоит двести тысяч рублей — столько же, сколько годовой оброк сорока тысяч крепостных крестьян.

Столицы российские жируют во все времена. Известно ли в Петербурге, что на Каме и Белой пла-

Вид Казанской крепости.
Гравюра конца XVIII в.

чут от голода? Вряд ли, потому что там вряд ли подозревают о существовании Камы и Белой. Если и имеют представление о внутренних губерниях, то знают ли, что люди там едят хлеб?!

Этим незнанием собственной страны просвещенная Екатерина тяготится, стремится по возможности этот недостаток преодолеть. Доклады, записки, описания местностей, способов хозяйствования, нравов и обычаяев различных народностей составляют значительную часть ее чтения. Длительное время императрицей обдумывается поездка по центральным российским губерниям.

Вырваться из петербургской замкнутости! Но явить себя подданным надлежит во всем величии.

2.

Со всей царственной парадностью весной 1767 года Екатерина II отправляется в путешествие, намереваясь, в том числе, познакомиться и со своими мусульманскими подданными, посетить Казань и исламские святыни Булгара.

Для переезда в Тверь приготовлено триста дорожных колясок. Ямской конторе предписано иметь на каждой станции, где предполагается остановка, семьдесят пять лошадей для смены.

От Твери отплывает целая флотилия лодок и галер, на которых разместился императорский двор: государственные сановники и чиновники, придворные служители. Свита насчитывает две тысячи человек. Сама Екатерина облюбовала галеру «Тверь».

26 мая, в субботу, в четвертом часу пополудни галеры подходят к Казани. При приближении монаршей эскадры из всех городских пушек начинается приветственная салютация. Весенний разлив еще не совсем спал, и благодаря этому эскадра свободно входит в реку Казанку и останавливается у стен кремля.

Когда Екатерина сходит с галеры, ее восторженно приветствует многотысячная толпа. Сев в подготовленную карету, императрица направляется к Благовещенскому собору. Путь к нему устлан алым сукном.

После торжественной службы государыня направляется к Спасским воротам. По обе стороны стоят гарнизонные батальоны, императрице отдают честь уклонением знамен, музыкой и барабанным боем.

К приезду Екатерины, следуя традиции встречи государей, сооружены триумфальные ворота, украшенные рисунками и резьбой. Во время шествия по городу «все улицы, и по домам в окнах и на крышках, тако ж по валу Земляного города и по городским каменным стенам» заполнены жителями города и окрестностей.

Остановилась императрица в доме заводчика Осокина. «Я живу здесь в купеческом каменном доме, — пишет она на следующий день воспитателю цесаревича Павла Никите Ивановичу Панину, — девять покоев анфиладою, все шелком обитые; креслы и канапе вызолоченные; везде трюмо и мраморные столы под ними. Мы вчера, в вечеру, сюда приехали и нашли город, который всячески может слить столицю большого царства; прием мне отменной... Если бы дозволили, они бы себя вместо ковра постлали».

На следующий день царица со свитой на таратайках отправляется на Арское поле, где проходит народное гулянье. В следующие дни посещает суконную фабрику, гимназию, семинарию.

Особо Екатерине представлены живущие в Старой и Новой татарских слободах муллы, ученые абызы и их жены. В тот же день императрица пишет в Париж к Вольтеру, своему постоянному корреспонденту. «Я угрожала вам письмом из какого-нибудь азиатского селения. Теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно не сходны между собою. Надобно, однако же, дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала... Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!»

В путешествии императрица продолжает работу по составлению знаменитого «Наказа», а посещение новых мест и знакомство с людьми разных обычаяев и вероисповеданий лишь уточняет стоящие перед нею задачи, — она размышляет над трудностями создания законов, которые учитывали бы интересы всех народов, населяющих Россию: «Эта империя — совсем особенная, и только здесь можно видеть, что значит огромное предприятие относительно наших законов, и как нынешнее законодательство мало сообразно с состоянием империи вообще».

Накануне отъезда императрицы в загородном губернаторском доме устроен праздник с участием, как того пожелала Екатерина, представителей всех народов, населяющих губернию, наряженных в

свои национальные костюмы. Этот праздник и эта выставка пришлись императрице по душе, и в знак своего благоволения она жалует золотую шпагу президенту местного магистрата. По этому случаю опять устроена грандиозная иллюминация. Затем Екатерина покидает Казань и на следующий день эскадра встает на якорь у древнего Булгара.

Здесь императрица осматривает остатки городских строений, а о впечатлениях сразу же сообщаєт в письме к Панину. «Вчерашний день мы ездили на берег смотреть развалины старинного города Булгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецких минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины». С возмущением она сообщаєт своему корреспонденту, что в годы правления императрицы Елизаветы Петровны многие древние сооружения были сломаны и перестроены, «хотя Петра I-го указ есть, чтобы не вредить и не ломать сию азиатскую древность».

Сразу же после отъезда императрицы на средства купца Юнусова и других зажиточных торговцев Татарской слободы в Казани начинают строить мечеть Эфенди (ныне мечеть «Аль Марджани» - С.С.), но когда строители возводят высокий минарет, городские власти направляют жалобу на высочайшее имя – строящаяся-де слишком высокое здание. На это императрица отвечает величаво и афористично: «Я определила им место на земле, а в небо они вольны подниматься по своему усмотрению, потому что небо не входит в мои владения».

Путешествием по Волге Екатерина осталась довольна. Под впечатлением от увиденного начала писать сочинение «О болгарах и хвалисах», а вскоре по возвращении из путешествия созвала в Москве свою знаменитую Комиссию для составления нового Уложения, призванную разработать новые, более совершенные законы. Европейский идеал упорядоченного государства должен воплотится в России!

Вскоре Екатерина объявляет к сведению просвещенной Европы о богатстве и процветании жителей своей империи: «У каждого крестьянина в суне курица, у некоторых - индейка».

Так ей представляется. Однако совсем немного времени остается до страшного бунта. Именно на пространстве между Уралом и Волгой вскоре объявится и станет кровавить Емельян Пугачев.

Историческая справка

1746 В Каргалинской слободе при первой соборной мечети открыто медресе. Со временем здесь при поддержке мусульманского купечества возник один из крупнейших в России комплексов коранических школ – при второй мечети в 1760 г., при третьей – в 1773 г., при четвертой – в 1789 г., при пятой – в 1802 г. К концу XIX в. в Каргалах действовало девять медресе, где обучались около семисот шакирдов из числа башкир, татар и казахов. Эти медресе были среднесибирского типа, в них поддерживались традиции бухарских и самаркандских медресе. В 1910-е гг. четыре медресе были реформированы, другие вплоть до их закрытия в 1920-х гг. продолжали работать на старой религиозно-схоластической основе.

1764 Свертывание деятельности «Нобокреценской конторы» и объявление о необходимости соблюдать принцип добровольности в христианском просвещении. После отхода государства от непосредственного участия в христианизации отношения между государством и мусульманским обществом теряют прежнюю напряженность, вырабатываются первоначальные, может быть и далеские от совершенства, правовые основы, ставящие заслон прямому вмешательству в дела мусульманских религиозных общин.

1767, весна-лето Путешествие императрицы Екатерины II по Волге с посещением г. Казани и Булгарского городища.

1771 В г. Казани открыты Апанасевское и Ахундовское медресе.

1773, 17 июня Указ Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноческих исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляемые все сие светским начальствам», пробозгласивший принцип терпимости на территории Российской империи.

Выход Указа Сипода (Tolerance act) о терпимости всех вероисповеданий, где говорилось что «Бог на

жмас терити бең беры». Указ выходит после посещения Екатериной II г. Казани и данного императрицей разрешения на строительство в городе мечетей.

1774 По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору с Турцией Екатерина II признала духовный авторитет турецкого султана, «яко Верховного Калифа Магометанского закона».

1775, 17 марта Манифест «О высочайших дарованых различим сословиям милостях по случаю заключения мира с Иордью Османской».

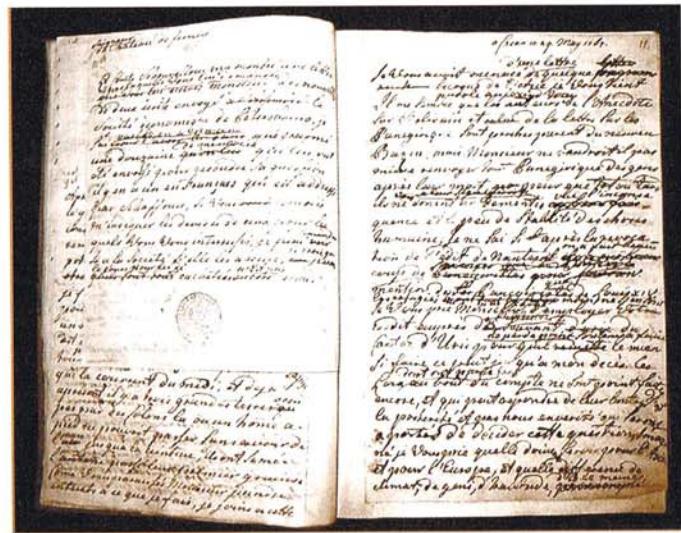
1780 В г. Казани открыто Амирхановское медресе.

1782 Строительство мечети в г. Москве.

1783 Именной указ Екатерины II от 28 января «О дозволении поданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов». Указ сыграл бесовую роль в осуществлении государственных планов относительно мусульманского населения России. С его появлением прекращалась существовавшая ранее практика приглашения мула из среднезападных государств. Это не только устранило влияние тамошних мусульман на их российских единоверцев, но и позволило выдвигать на духовные посты верных правительству людей. Теперь возникла возможность регулировать численность мула и влиять на них в соответствии с интересами центральной власти.

Окончательное присоединение Крыма и ряда других областей на юге и юго-востоке России, населенных мусульманами, заставляет правительство разрабатывать меры по организации управления религиозными общинами и духовными лицами.

Россия в одностороннем порядке аннулирует статью Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией (1774 г.), по которому Екатерина II признала религиозный авторитет турецкого султана над мусульманами. В то же время в государственной политике России халифат продолжает учитываться как религиозная и полити-

Письмо императрицы Екатерины II Ф.-М. Вольтеру из Казани 26 мая 1767 г.

ческая реальность (учитывается этот фактор и последующими руководителями государства, включая В.И. Ленина, пока в 1924 г. халифат не упраздняется).

1784 Татарским мурзам и башкирским старшинам предоставлены права дворянства, мусульманским купцам даны льготы в торговле с Туркестаном, Ираном, Индией и Китаем.

1785 Выпуск грамоты о береговомомстве, утверждение ряда положений, обеспечивающих и регулирующих права мусульман на территории Российской империи.

1787 По указу Екатерины II в частной Азиатской типографии г. Санкт-Петербурга напечатан полный арабский текст Корана «для бесплатной раздачи киргизам». Появление книги явилось ответом на жалобы мусульман о дорогоизнене книг, покупаемых за границей. Изданье отличалось тем, что носило мусульманский характер — текст к печати снабжен подробным комментарием на полях книги на арабском языке, выполненным муллой Усманом Исмаилом. Коран был напечатан специально отлитым по рисункам Усмана Исмаила шрифтом, рисунок которого преобходил все арабские шрифты, существовавшие тогда в типографиях Европы. Одновременно с этим Екатериной II отдано распоряжение о строительстве мечетей за государственный счет.

3.

8 ноября 1771 года граф Румянцев, делая перед Екатериной II обзор хода турецкой военной кампании, действий русской армии против войск османского султана, и отмечая заслуги каждого из ее участников, докладывал: «...Генерал-майор князь Трубецкой, князь Долгоруков и барон Игельстром в самое критическое положение дел в Валахии, когда почти все генералы по разным обстоятельствам оттуда удалились, последние оба, будучи ранеными и прямо больными, оказали свое ревностное желание быть там, где больше службы Вашего Императорского Величества тогда требовалася!»

Императрице нужны подробности: «Чем именно отличился Игельстром?»

Граф уточняет: «Участие самое деятельное во взятии Ясс, Измаила, Аккермана, Кили. Непрестанная ревность в службе».

Зачитывается послужной список. Он безупречен. Под начальством князя Репнина Игельстром служит в Польше, с начала русско-турецкой войны - в действующей армии. Его фамилия постоянно встречается в штабных документах, отмечается неизменно положительно.

Тогда решается высочайше: барона Осипа Андреевича Игельстрома, сына лифляндского дворянина, произвести в генерал-майоры, удостоить ордена Святого Георгия III степени и направить в распоряжение статского советника Смолина для ведения переговоров с турками о перемирии. Вскоре следует известие о заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Дипломатические маневры Смолина и Игельстрома выполнены успешно. В 1784 году Осип Игельстром, завершивший крымские дела, по протекции князя Потемкина назначается на должность генерал-губернатора симбирского и уфимского с присвоением ему звания генерал-поручика.

Дано и особое поручение - исследовать настроение в Степном крае и предложить меры к приведению киргиз-кайсаков к спокойствию. Один из возможных способов влияния на степняков, предлагаемых императрицей, - приобщению их к исламу под началом верных короне татарских ахунов.

4.

Барон Игельстром. Проясним его внешность, а также некоторые сопутствующие обстоятельства.

Худ, прям, глаза молодые, но многозначительные, голос рычащий, возраст неопределен. Ступает так, что под каблуком визжат половицы. Рассказывали, что как-то он принимал доклад в наместническом правлении, за окном в то время послышались раскаты грома, а по стеклам застучал крупный дождь. Барон немедленно вскочил со стула, открыл форточку и крикнул: «Немедленно прекратить это безобразие!» - и дождь мгновенно утих.

У него, когда он сидел на стуле, всегда чувствовалась готовность встать и пойти. Вставал он всегда легко, двигался эластично, выходил, входил, снова усаживался нога за ногу, снова вставал, шел, распоряжался, подписывал, опять садился, опять вставал и отдавал громовым голосом команды...

Не только это в нем поражало первый раз его видевших, - он умел необыкновенно сочно и ярко рассказывать, при том безбожно присочиняя, и ничуть этого не стыдясь. Так, он, к примеру, уверял, будто на Кавказе видел в церкви такое огромное евангелие, что дьякон ездил на ослике между строками, или говорил, будто один музыкант из турок так дул в рог, что рог этот выпрямился и сломался. И прочее, и прочее. В том же духе.

Молодящийся, скрывающий свои лета, он на шестьдесят третьем году от рождения уверял, что ему только лишь сорок семь, а один раз с досады бросил на пол свой послужной список и смял его каблуком, когда обнаружил, что чиновник, недавно определенный в канцелярию, осмелился прибавить ему один лишний год. Так выглядит Уфимский и Симбирский наместник.

Назначение при дворе получено. Дальняя тысячеверстная снежная дорога, предсказанная маменькиными карточными гаданиями, уводит сначала строго на восток, потом верст сто тянется по замерзшей Волге в южную сторону. При виде огромных трещин во льду делается жутко.

До Оренбурга едут в больших санях с широкими полозьями, которые спереди плотно застеги-

ваются, провизию накрывают овчинными туулупами, чтобы не замерзла, а на станциях греют ее на спиртовых лампочках. Едут по степям, широким, без перелесков, а когда дорогу заметает снегом, лошадей запрягают гуськом - в метель они сами ищут и находят дорогу.

Останавливаются в деревенских избах. Задымленные стены при свете горящей луны блестят, точно окрашенные. У Игельстрома на коленях в теплой коробке едет попугай Янек. Когда барон в избе вынимает попугая из коробки, тот возбуждает всеобщее удивление.

Прибыв на место, Игельстром обследовал оренбургскую линию и написал, что она в значительной опасности.

Казахи Малой Орды волноуются повсеместно. Из бунтарей особо выделяется байбактинец батыр Сарым Датов, который открыто нападает на Таналыкскую крепость. Муллы, посланные из Уфы к хану Малой Орды для выяснения обстановки, докладывают о совершенном бессилии ханской власти и даже нежелании хана вмешиваться в дела, чтобы подорвать спокойствие в степи.

Посовещавшись и поразмыслив об обстоятельствах, Игельстром из всех путей признает самым полезным отменить управление ордой при посредстве ханов и султанов и усилить влияние на степь оренбургских мулл и ахунов. Но решение это следует тщательно выверить. Решающим здесь должно стать мнение самих степняков.

Отдан приказ канцелярии, и летом 1785 года по всей Малой Орде рассыпают возвзвания к старшинам, биям, к влиятельным духовным лицам. В послании предлагается, оставив грабежи и набеги, сойтись на всеобщее собрание, чтобы достигнуть соглашения жить в мире между собой и в покорности России.

Собрание состоялось в том же году, осенью. Предводительствует на нем главный засланщик беспорядков Сарым Датов. Противник ханской власти, он выступает яростно и ему удается убедить большую часть собравшихся в бесполезности дальнейшего существования ханов в Орде. Он же предлагает принести присягу на верность императрице.

Противников русского подданства или нет, или же они затаились. Так, или иначе, собрание

принимает предложение Сарыма и, присягнув на верность России, ханы и султаны поочередно обещают прекратить грабежи, восстановить порядок, исполнить все повеления Сената. Взамен же требуют низложения хана Нурали и уничтожения ханской власти навечно.

Теперь генерал-поручик Игельстром исполнял уже пожелания самих степняков.

Под благовидным предлогом хан Нурали вызван в Оренбург, а оттуда отправлен под конвоем в Уфу вместе с сыновьями, некоторыми из приближенных, и со всеми своими многочисленными служителями. На Фроловской улице ему и его свите отведена усадьба из двух деревянных домов с пристройками и службами, а казна отпускает на содержание ханской семьи около пяти тысяч рублей в год, что для того времени огромная сумма.

6.

Мечеть у кочевника - не отдельная постройка, а сама юрта, в которой живет мулла. Число таких юрт в Степном крае растет, богослужение в них проводят татарские и башкирские муллы. Некоторые из них посыпают записочки в Оренбург и Уфу о положении дел в степи.

Длительное время казахи остаются верны своим обязательствам. Многие из русских и башкирских пленников возвращены, а уводы людей с пограничной линии в степь почти что и прекратились.

Спокойствие изредка нарушают султаны. Бунтуют преимущественно потомки Абулхаира. Но, вскоре после открытия в кочевьях главных родов Малой Орды низовых судов-расправ, султаны от управления совершенно отстраняются. Расправы подчинены теперь пограничному суду, а главы родов и родовые старшины получают полицейскую власть.

Усилий установить спокойствие в степи предпринято немало. Но тут начинается новая война с Османской империей, а за ней и новые осложнения.

Потворствуя союзникам, Бухара и Хива ведут в Степном крае исламскую проповедь, полную восхвалений халифа и Османского государства и проклятий в адрес русского престола. Как пишут доверенные муллы из степи, Бухара деньгами

поддерживает антироссийские настроения, призывает к восстанию.

В этих условиях русская администрация вновь направляет из Оренбурга в степь татарских и башкирских мулл для насаждения ислама и открытия начальных духовных школ - мектебе. Всеми этими мерами Игельстрому удается на некоторое время умиротворить степь. Во время войны с Турцией степняки сохраняют спокойствие, несмотря на все старания турок вызвать среди них мятежи. Эмир бухарский пишет в Степной край гневные письма, но тщетно.

Ободренный успехами собственной дипломатии, барон Игельстром сочиняет тогда проект нового управления Степным краем. На случай, если этот проект не будет одобрен, он готовит предложение о лишении Нурали ханского звания и замене его другим, более послушным ханом. Главным кандидатом Игельстром видит Каина из рода Джадека, бывшего до того ханом в Хиве.

Императрица относится к проекту Игельстрома сочувственно, но рекомендует действовать осторожно. Она, в свою очередь, предлагает такое решение: разделить Малую Орду на три части по числу поколений - алимулинского, байулинского и семиродского, а также построить в степи для главных родов Малой орды город с мечетями, мусульманскими школами и гостинным двором.

Не прошло и трех месяцев после получения письма от августейшей особы, как Игельстром доносит императрице об открытии мечетей в Оренбурге и Троицкой крепости.

От императрицы немедленно получен ответ:

«Не сомневаемся, что сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости ко читающих или обитающих на границах наших, а сие может послужить со временем способом к воздержанию от своевольства лучше всяких строгих мер.

Вследствие этого нужно.

Первое - при поминутых мечетях построить татарские школы по примеру казанских и тут же завести караван-сараи или частные дворы для выгоды торгующих магометан.

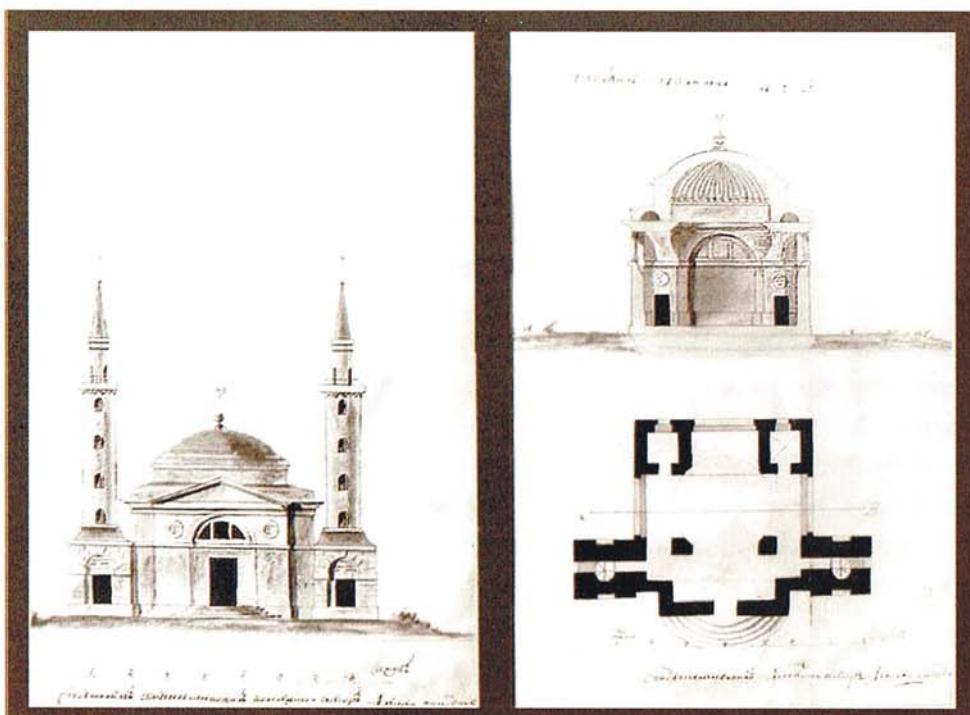
Второе - мечети обнести каменным забором, осведомясь у татар, как то пристойно по их обычая.

Третье - где вновь следует построить мечети, стараться оные так расположить, что хотя и до тысячи пятисот человек в них вместиться могло.

О людях, потребных для татарских школ, не оставьте снести с казанским генерал-губернатором князем Менцерским».

Слова свои о построении мечетей и мусульманских школ императрица подтверждает высочайшим указом.

С начала восьмидесятых годов верховная власть делает ставку на ислам как силу, способную содей-

Типовой проект мечети, утвержденный Российским правительством. 1782 г.

ствовать укреплению имперского влияния на Востоке. Официальные власти прямо содействуют его пропаганде в азиатских областях, видя в нем средство, с помощью которого тамошние народы можно вовлечь в российское подданство и привести к покорности.

7.

Барон Игельстром, в отличие от сторонников насилиственного укрепления власти в степях, и от тех, кто возлагал все надежды на власть султанов, считал необходимым решать все вопросы мирно, без привлечения казацких частей и, тем более, регулярной армии. Но для того, чтобы провести все эти долгосрочные планы, требуются люди, имеющие опыт тайной дипломатии и хорошо знающие обстановку. Использовать в Степном крае в качестве мулл верных правительству людей предписывал адресованный барону Игельстрому именной указ от 27 ноября 1785 года. Он гласил: «...Снабжение разных родов киргизских муллами, немалую пользу в делах наших принести может: почему вы и старайтесь определить оных, истребовав из казанских татар людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргизцев в верности к нам, и к удалению их от набегов и хищничества в границах наших. Сим муллам вы можете при посыпке их произвестъ небольшую денежную дачу, а при том по мере верности и тщания в исполнении возлагаемого на них по службе нашей, обнадежить и большим награждением».

Изучив кандидатуры, наместник выбрал двух - Мендияра Бекчурину и Мухамеджана Хусейнова. Первый из них уже имел опыт общения с именитыми людьми Малой Орды, куда выезжал для переговоров. Второй неоднократно участвовал в миссиях тайного характера и доказал свою умность как политик и конфидент.

Мухамеджан Хусейнов. Фигура и таинственная, и тревожащая. Человек государственного смысла. Известно о нем не так уж и много, но домыслы можно отделить от правды.

Еще в молодости он был послан Коллегией иностранных дел с секретными поручениями в Бухару

и Кабул, где, выдавая себя за учащегося, приехавшего для получения высшего духовного знания, собирая сведения о количестве войск, их передвижении, о характеристиках командиров и настроении в войсках.

После возвращения из Кабула служил офицером в Оренбурге, затем стал муллой. Незадолго до приезда Игельстрома Хусейнов утвержден в должности ахуна при Оренбургской пограничной экспедиции с окладом в триста рублей серебром. С казахскими ханами у него тесные связи. Его родная дочь замужем за последним ханом Букеевской Орды Джангиром.

Быстро оценив новые веяния в политике по отношению к Малой Орде, ахун Хусейнов становится особо доверенным человеком Игельстрома и главным помощником в киргиз-кайкацких делах.

Весной 1786 года для изучения обстоятельств и установления нового порядка управления Малой ордой Игельстром командирует туда ахуна Хусейнова вместе с адъютантом князя Черкасского. В июне того же года Мухамеджан Хусейнов совершает новый визит в казахскую степь и добивается неплохих результатов. Несмотря на подозрительное первоначально к себе отношение, он устанавливает дружелюбные отношения со старшинами, вручает им послание уфимского наместника и договаривается о приезде делегации старшин в Оренбург, который и состоялся в июле.

Визиты в Малую Орду в сентябре того же года приносят Мухамеджану Хусейнову славу подлинно блестящего дипломата. Заслуги ахуна высоко оценены не только наместником, но и императорским двором.

В ноябре 1786 года Екатерина II направляет Игельстрому реескрипт, в котором указывает, что за успехи в деле учреждения Пограничного суда «находящемуся при вас ахуну Мухамет Джану Гусейну прибавить еще по 200 рублей на год, соизволяя при том, чтобы он именовался в тамошнем краю Первым ахуном».

Теперь, помимо разведывательных и дипломатических задач, первый ахун края Хусейнов решает все вопросы, связанные со строительством мечетей и открытием новых мусульманских приходов-махалей.

Глава VI

«ЛЮДИ, В ВЕРНОСТИ НАДЕЖНЫЕ...»

Проект «магометанской комиссии». - Открытие муфтиата в Уфе, положение о Духовном магометанском собрании. - Первый муфтий Мухамеджан Хусейнов. - Исламская проповедь в Малой Орде. - Духовные звания и должности у мусульман, указные муллы и не признающие указа абызы. - Тайная дипломатия муфтия Хусейнова.

1.

Первоначальный план Игельстрома был таков: образовать в Уфе комиссию для приема экзаменов у претендентов на духовные должности.

Империя, объявив свободу вероисповедания, отпустила узду. Много появилось в крае странствующих мулл. Переходят из места в место, когда захотят - пересекают границу, захотят - возвращаются. Так же число ахунов и мулл ничем не ограничивается. Живут на средства единоверцев. Знания же их никем не проверены.

Так вот, пусть в Уфимском наместничестве и Оренбургской области их знания проверяет особая комиссия. Пусть в нее войдут два ахуна и двое мулл. Пусть на заседаниях присутствуют губернский прокурор и члены верхней расправы, а утверждать в должности пусть будет наместническое правление.

Надлежит выделить на содержание комиссии 680 рублей серебром в год. Сумма небольшая, но польза от этого многая, многая будет...

Так считали генерал-губернатор наместничества Осип Андреевич Игельстром и советник наместничества Дмитрий Борисович Мертваго. Первоначально. Но, представленный императрице, проект приобрел иной масштаб, истинно государственный, монарший.

«Почему действие его должно распространяться только лишь на Уфимский край? - спрашивала императрица. - Кто будет испытывать мулл казанских, тобольских, новгородских и прочих?»

В общем, смысл таков. Спокойствие империи единого подчинения требует. Собрание духовных лиц, испытывающее мулл и ахунов, необходимо, но не одному наместничеству, а всей империи.

Значит, нужна не просто испытательная комиссия, а так же, как в Таврической области

- Духовное собрание с особым муфтием, и помогают ему пусть три выбранных мусульманами заседателя. Власть такого Духовного собрания распространить надобно на всю империю, исключая, соответственно, татар дальней Таврической области в Крыму - там намечено учредить свой муфтиат с собственным муфтием, как и было у них прежде...

Среди первых кандидатов в муфтии - Мухамеджан Хусейнов. Другие кандидаты? Сидели, размышляли, советовались, перебирали, рассматривали, но никого другого не нашли, - другого кандидата рядом с Хусейновым не поставить. Так выбор был сделан.

22 сентября 1788 года последовал высочайший указ об учреждении в Уфе Духовного собрания, а 23 сентября - о назначении Мухамеджана Хусейнова муфтием.

Приведем эти малоизвестные исторические документы.

1788 г. сентября 22

Указ Екатерины II

Симбирскому и Уфимскому генерал-губернатору барону Игельстрому об учреждении в Уфе Духовного собрания магометанского закона.

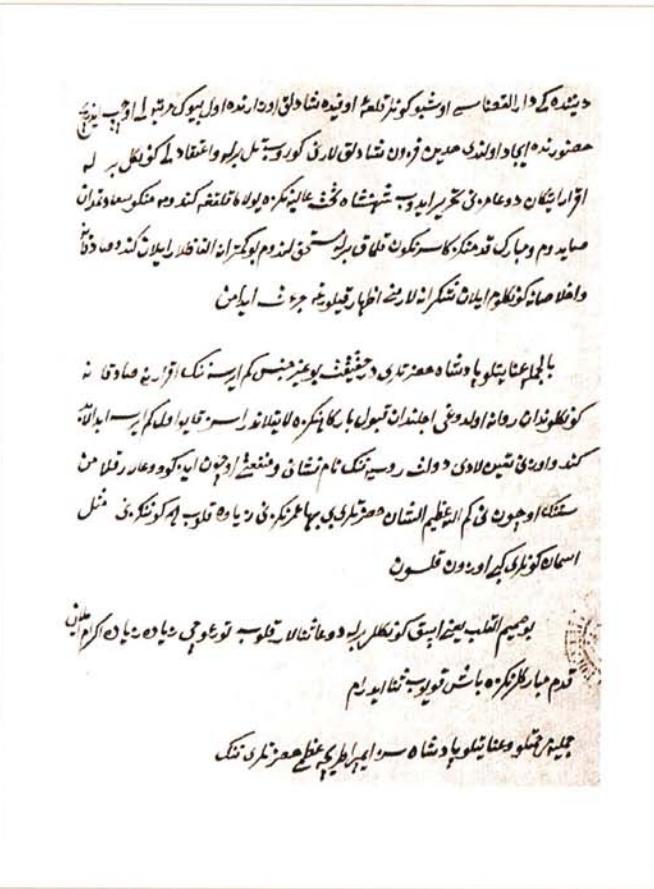
Приняв за благо предоставление ваше, чтоб Мулл и прочие духовные чины Магометанского закона между народами оный в Империи Нашей исповедующими, определялись не иначе, как по ученическим им надлежащего испытания и с утверждением Наместнического Правления, повелеваем вам произвестъ сие в действо, и в следствие того учредить в Уфе духовное собрание Магометанского закона, которое, имея в ведомстве своем всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической обла-

Высочайшее повеление императрицы Екатерины II об учреждении в г. Уфе Оренбургского магометанского собрания

сти, где особое есть Духовное Управление, в случае надобности определить их куда-либо вновь, сии люди были испытываемы, и не иначе определяемы, как когда признаны будут достойными; со стороны же наших Генерал-Губернаторов, правящих ту должность, в отсутствии же их—губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности наяджне и доброго поведения. В духовном собрании помянутом председательствовать первому ахуну Мухаметзяну Гусейну, коего Мы Всемилостивейше жалуем Муфтием с производением ему жалованья по тысяче пятидесяти руб. на год и с ним заседать двумя или тремя муллами из Казанских татар, в верности к Нам и в добронорядочном поведении их испытанным, с жалованьем по сту до двадцати рублей на год. О чём предоставляем Вам снестись с генералами-губернаторами и правящими их должность тъхъ губерний, в коих народа магометанской веры обитают, пребываясь впрочем Вамъ благосклонны.

На подлиннике подписано собственнно ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукюю тако: «ЕКАТЕРИНА». Въ С.-Петербургѣ, Сентября 22-го дня 1788 года. Съ подлиннимъ свидетельствомъ Генерал-Поручикъ, Баронъ Игельстромъ.

Письмо муфтия Мухамеджана Хусейнова императрице Екатерине II с благодарностью за открытие в Уфе Духовного собрания. 1789 г.

1788 г. сентября 23

Указ Екатерины II

Сенату о назначении Муфтия над всеми мусульманами России.

Находящемуся в Оренбургской области Магометанского закона первому Ахуну Мухамет Джан Гусейну Всемилостивейше повелеваем быть Муфтисем над всеми обитающими в Империи Нашей сего закона людьми, исключая Таврическую область, где от нас определен особый Муфтий. Жалование ему производить по 1500 рублей на год; в какой силе дан указ Наш Генерал-Поручику, правящему должность Генерал-Губернатора Симбирского и Уфимского, Барону Игельстрому на представление его, относительно духовенства Магометанского прилагается при сем копия для сведения и предписания Нашим Генерал-Губернаторам и правящим ту должность в наместничествах, где обитают люди Магометанского закона, дабы они в определении духовных чинов закона предписанию Нашему соображалися.

Биографическая справка

Муфтий Мухамеджан Хусейнов

1756 Рождение Мухамеджана Хусейнова (Хусаинова, Гусейна, Гусейнова), полное имя Мухамметзян ибн Хусайн ибн Мансур ибн А纳斯 аль-Джабали аль-Бурундукы, в д. Султанай Уфимского уезда Уфимской провинции. По происхождению из купцов. Высшее духовное образование получил в медресе Сеитовского посада с. Каргалы, а также Бухары, Кабула и Оренбурга.

1780-е гг. М. Хусейнов является проводником внутренней политики Екатерины II на Южном Урале, принимает участие в реализации внешней политики Российской империи в странах Средней Азии, Востока и на Северном Кавказе. Неоднократно возглавлял правительственные делегации, выезжающие в Малый и Средний жузы для переговоров с казахскими ханами и султантами.

1785 Состоял ахуном при Оренбургской экспедиции, в том же году по распоряжению Екатерины II получил звание Первого ахуна края.

1788, 23 сентября Указом Екатерины II назначен муфтием, председателем учрежденного 22 сентября того же года в г. Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания.

1789, 4 декабря Торжественное открытие муфтиата в г. Уфе. Муфтий Мухамеджан Хусейнов выступает с речью, в которой подробно останавливается на милостях, оказанных Екатериной II мусульманам, включая выпуск печатного Корана, строительство мечетей и медресе.

1790, 13 августа Указ Екатерины II о разрешении муфтию М. Хусейнову покупать земли у башкир-ботчиников.

1793, 26 января Специальным указом Екатерины II разрешает муфтию М. Хусейнову покупку рабов за границей.

1796, 9 января Указ Сената об освобождении мусульманских священнослужителей от телесных

наказаний. Это решение способствует росту авторитета указанных мулл и ценности выдаваемых муфтиятом свидетельств.

1797 Муфтий М. Хусейнов становится членом Ханского совета, созданного для управления Малым жузом.

1800-1810-е гг. М. Хусейнов неоднократно направляется властями на Кавказ, где организует у горских народов родовые суды и принимает присягу на верность России. М. Хусейнов – автор проектов по преобразованию Духовного собрания в Центральную мусульманскую коалицию, а также созданию сети религиозных учебных заведений с преподаванием светских и научных дисциплин. Состоял членом Вольного экономического общества и почетным членом Совета Казанского университета. Награжден бриллиантовой медалью.

1805 М. Хусейнов участвует в секретной комиссии по делам туркмен.

1824, 17 июля Скончался в д. Адзитарово Уфимского уезда (ныне Кармаскалинский район Республики Башкортостан), похоронен на сельском кладбище.

2.

Вечер. Глаз различить не умеет
Ярких нитей в поясе белом,
Это знак, что должны мусульмане
Пред Аллахом свершить омовенье...

Николай Гумилев

Хотя задачи и подчиненность Духовного собрания еще не определены окончательно, сразу же после выхода указа о назначении муфтием Мухамеджан Хусейнов начинает борьбу за распространение своего религиозного влияния в степи.

Сначала он отправляет в Малую Орду письма с поучениями. Хусейнов подписывает их как духовный наставник киргиз-кайсацкого народа и подчеркивает, что «без его воли состоящие муллы и народ относительно Алкорана никаких изъяснений сами делать не вправе». Муллы, побуждающие российских мусульман

выступить на стороне Оттоманской Порты, указывает Мухамеджан Хусейнов, ведут народы к гибели. Мусульманам предписывается сохранять спокойствие и подчиняться российскому скипетру, ибо только сильная Россия способна обеспечить спокойную жизнь и благосостояние своих подданных.

«Хотя мы под одним зданием правоверности стоим, - пишет муфтий Хусейнов, - однако великое есть различие между мусульманами, находящимися под владениями султана турецкого и всеавгустейшей нашей монархии, поелику каждый монарх собственно своим умом управляет, в рассуждении чего делаемые проповедования одному годны, а другому не нужны бывают».

Эти наставления муфтия тут же были отправлены из степи в Бухару и Хиву. Оттуда немедленно отвечают гневными отповедями. Увещевания Мухамеджана Хусейнова названы преступными.

Особенное раздражение вызвало то, что российский муфтий оправдывает и признает справедливой войну, которую ведет его страна против турецкого султана - главы всех восточных мусульман.

Муфтий же, не взирая на мнение Бухары и Хивы, продолжает слать письма в Малую Орду. Зимой он выезжает в Уральск. Здесь он несколько месяцев подряд встречается с казахскими старшинами и имамами. Беседы с ними продолжаются изо дня в день и касаются всех вопросов - устройства жизни, подчинения властям и гарантий на будущее.

Ранней весной, как только сошли снега, муфтий Хусейнов с сопровождающим его небольшим кортежем отправляется в Степной край, чтобы обхехать кочевки знакомых старшин.

* * *

Местность, по которой двигался караван, была такого унылого колера, что от него можно было впасть в ипохондрию. Фауна была под стать флоре: змеи и скорпионы шуршили по склонам, простужено капяли гиены, по-щеняччи, с подыванием, лаяли шакалы.

Проводником енде в Оренбурге вызвался калмык по имени Анур Салбай, служивший при пограничной комиссии и уверявший, что дорогу знает пре- восходно. Но в степи, где все однообразно-безлико, он выказал нетвердое знание пути уже на первом же переезде. В который раз уже он повторял, что кочев-

ка вот-вот должна встретиться, но проходили часы, а следов жизни в степи не было заметно. Проводника спрашивали, что, долго ли еще? На что тот неизменно отвечал - «совсем скоро» и продолжал вести караван по еле видной дороге, все время теряющейся в траве. Видно было, что здесь ездят редко.

Между тем, солнце клонилось к горизонту, дорогу почти уже не было видно. Муфтию стало неловко и досадно: вот, думалось, заблудились среди степи, доверились неизвестно кому. Однако, продолжал ехать вперед, а когда уже совсем раздосадовался, увидел огоньки, - издалека доносились храп коней и топот овечьих отар.

Кочевка, как водится, растянулась на несколько верст. На склоне невысокого холма стояли восемь-девять юрт, затем, через версту еще пять-шесть, в другую сторону - столько же. Юрты были окружены легкою изгородью из жердей, чтобы лошади и скот не подходили к ним близко и не топтали землю вокруг. Вблизи паслось довольно много скота - коров, овец и прочей мелочи.

Собаки окружили кортеж и неистовствовали. Выходившие из юрт люди глядели на путешественников и настороженно, и удивленно. У муфтия даже мелькнула мысль - «а не похожи ли мы на птиц, прилетевших слишком рано?», но тут распахнулась юрма, закрывающая вход в большую белую юрту, и из нее стали выходить и с приветственными возгласами направляться к путешественникам киргиз-кайсакские старшины.

Самый коренастый из них, Машур Турмагамбет, выйдя вперед, важно приветствовал гостей и сказал, что ожидал приезда именно в это время. По его команде к лошадям стремглав бросились молодые егеты.

Венци муфтия тут же снесли в большую юрту и поместили в лучшей ее части. Путешественники стали размещаться в специально поставленной гостевой юрте по соседству.

* * *

...Вечером, когда стада возвращаются к кочевью, самое хорошее время в степи. Хорошее для разговора. Старшины собираются в главной юрте, в центре подготовлено место для муфтия.

Юрта закрыта склоном холма с ветреной западной стороны. Ее стены не ограничивают простор, за легкой войлочной перегородкой слышно дыханье

степи – движение ветра, пение птиц, топот коней, голоса сородичей.

Луна заглядывает в юрту сверху. Лучи от звезд – стрелы мирового пространства – беспрепятственно проникают сквозь тонкие стенки, облучают не только кожу, но и всего человека до самого его нутра. Земляной пол юрты в несколько слоев застлан войлоком, шкурами, паласами. В юрте собирались старейшины, они сидят с одной стороны. Напротив – Мухамеджан Хусейнов, он говорит.

Неторопливый и размеренный идет разговор. Муфтий читает проповеди, наставляет в вере, пересказывает хадисы и легенды о путешествиях Мухаммада. Лишь изредка старейшины перебивают его вопросами, предварительно спрашивая разрешения глазами или движением подбородка.

Сначала муфтий читает собравшимся первый стих из семнадцатой суры Корана. «Хвала тому, кто перенес ночью своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой мы благословили, чтобы показать ему некоторые из наших знамений. Погибши он, Аллах, всеслышащий, всвидящий».

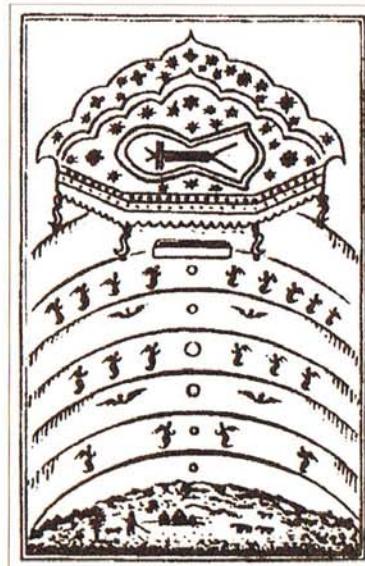
Вслед за этим Хусейнов пересказывает знаменитый хадис о мирадже – вознесении Мухаммада на небеса. Рассказывая, он видит, что многие из старшин, числящиеся от рождения мусульманами, слышат этот хадис впервые.

Не избегая подробностей, муфтий говорит о путешествии, которое произошло ночью, когда пророк Мухаммад спал около Каабы, а к нему явился ангел Джибрил с крылатым конем Бураком. В сопровождении ангела Мухаммад прибыл в Иерусалим, оттуда вознесен был Джибрилом на вершину небес и, последовательно минуя семь небес, он встречает прежних пророков, а затем предстает перед Аллахом.

«Аллах приказал мусульманам совершать пятьдесят молитв в день, но потом, по просьбе Мухаммада, сократил их число до пяти», – подчеркивает муфтий Хусейнов.

Затем он рассказывает о посещенье Мухаммадом рая и ада, где тот видит муки грешников и блаженство праведников.

...Когда Джибрил постучал в ворота, его спросили: «Кто там?» Он назвал свое имя. Тогда его спросили: «А кто с тобой?» Он ответил: «Мухаммад». «Уж не послан ли он к нам?» Джибрил ответил: «Да». Тогда сказали: «Добро пожаловать, благородный пророк, да оживит тебя Аллах!»

*Семь небесных сфер.
Иллюстрация
из мусульманского
астрономического
трактата*

Им повстречался ангел огромного роста, весь из огня. Сидя на огненной скамье, он занимался тем, что нарезал пруты, колчуги и сандалии – все из огня.

Тогда Мухаммад спросил: «О Джибрил! Кто это?» Джибрил ответил: «Это – ангел, хранитель огня. Пойдойди, поздоровайся с ним».

Мухаммад приблизился и поприветствовал ангела. Никогда он не встречал ангела такой величины, лицо его было ужасно, весь его вид выражал такую ярость и свирепость, что если бы люди в нашем мире увидели его, то все они от страха умерли бы.

Когда Мухаммад его поприветствовал, тот ответил на приветствие, но лик его был столь гневен, что Мухаммад испугался.

Тогда Джибрил сказал: «Не бойся его, этот ангел возник из гнева Аллаха всемогущего. С тех пор как Аллах создал его, он ни разу не улыбнулся и не рассмеялся. С каждым днем растет его гнев против тех, кто не имеет милосердия в душе. Им всем он мстит, наказывая бунтовщиков против Господа, горделивых тиранов и тех, кто совершают смертные грехи».

Тогда Мухаммад сказал ангелу: «О ангел! Отвори мне круги ада, чтобы я их увидел».

Тот ответил: «Ты не можешь их видеть».

Но вдруг раздался голос с небес, возгласивший: «О ангел! Не перечь ему ни в чем!»

И всего лишь на игольное ушко отворились врата ада, а из отверстия вырвалось столько дыма и огня, что еще немногого, и небеса и земля покрылись бы мраком. Было в аду семь кругов, один над другим, и не было сил созерцать их все из-за жутких стонов неверных и язычников.

Мухаммад посмотрел на первый круг из семи. Он увидел семьдесят огненных морей, на берегах каждого стоял огненный город, и в каждом было семьдесят тысячи огненных домов с огненными камерами, в которых были заключены мужчины и женщины, и пытали их змеи и скорпионы. Мухаммад спросил: «О ангел! Каковы были их грехи в земном мире?» Он ответил: «Они творили неправедное насилие против людей и незаконно пожирали чужое, и возгордились, и тирастили людей, меж тем как одному Аллаху всевышнему пристала сила и гордость».

Потом Мухаммад взглянул и увидел каких-то людей с такими отвисшими губами, какие бывают у верблюдов. Черти цепляли их огненными баграми за губы, змеи вползали им в рот, разрывали им внутренности и выползали через задний проход. Мухаммад спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Те, кто покушались незаконно на имущество сирот. Ныне же пицней их стал только огонь».

Потом Мухаммад увидел мужчин и женщин, подвешенных за языки на огненных крюках, они раздирали себе лица собственными ногтями. Он спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Ажесвидетели, злозычные, кто сеял раздоры между людьми, посягая на их честь».

Потом Мухаммад увидел людей, у которых тела были, как у свиней, а вместо лиц - собачьи морды. Со всех сторон окружали их змеи и скорпионы, которые кусали их. Он спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Те, кто пренебрегали омовением и были невнимательны во время молитвы».

Потом Мухаммад увидел тех, которые умоляли счасти их от жажды. Черти подносили им кубки с огнем, а когда страдальцы отпивали из них, с лиц их кусками отваливалось мясо из-за жара, а выпив, они обжигали себе внутренности, которые вываливались затем через задний проход. Мухаммад спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Те, кто пили вино».

Потом Мухаммад взглянул и увидел мужчин и женщин в печах, огонь обжигал их так, что пламя доходило до лиц. Они вопили, гной вытекал из их срамных мест, и такая вонь шла вокруг, что остальные грешники их проклинали. Мухаммад спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Прелюбодеи и прелюбодейки».

Потом Мухаммад взглянул и увидел женщин, подвешенных за груди, с руками, привязанными к шее. Он спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Предавшие мужей своих».

Потом Мухаммад увидел мужчин и женщин, подвергнутых пыткам огнем. Черти цепляли их железными баграми. Всякий раз, когда грешники взывали о помощи, черти копьями протыкали им животы и бичевали их огненными бичами. Мухаммад спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Те, которые были непочтительны со своими родителями».

Потом Мухаммад увидел людей с раскалеными железными обручами на шее, обручи были величиной с гору. Он спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Те, кто не выполняли свой долг по отношению к близким».

Потом Мухаммад увидел людей, которых черти обезглавливали огненными ножами. Умерев, они снова возвращались в прежнее состояние. Мухаммад спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Несправедливо убивавшие людей, что запрещено Аллахом».

Потом Мухаммад увидел людей, которых подвергали казням в огненных пещерах в самой глубине первого круга. Они были распяты на огненных столбах, плоть их отваливалась от костей, и лишь дух оставался в костях, подвешенных на цепях. Мухаммад спросил: «Кто это?» Ангел ответил: «Те, кто пренебрегали обетом молитвы, хотя тела их были здоровы».

Мухаммад сказал: «О ангел! Набрось на них покрывало, ибо я чуть не обмер от страха, видя эту страшную казнь». Ангел ответил: «О Мухаммад! Ты видел и свидетельствовал. Ныне же пусть свидетель наставит не видевших. Просвети свой народ, и пусть он избегает страстей адовых, ибо наказание Божье ужасно. Семь ворот и семь таких кругов есть в аду, а в каждом казни страшнее, чем в предыдущих!»

...Тут Мухаметжана Хусейнова перебили. Движением головы молодой старшина привлек его внимание, а потом спросил: «Скажи, а не мягкий ли палец у тебя на правой руке?»

Хусейнов досадливо морщится, но протягивает руку. Обижаться нельзя - у кого в большом пальце правой руки нет кости, тот хыдыр, святой.

Его руку рассматривают, теребят палец, успокаиваются. Кивают уважительно - продолжай. Но на сегодня, пожалуй, достаточно.

Хусейнов встает, за ним поднимаются все остальные, благодарят муфтия и хозяина, выходят на простор, расходятся по кочевке. Некоторые старшины садятся на лошадей и прощаются до завтрашнего дня, до новых рассказов о путешествии пророка.

3.

...А сейчас, дорогой читатель, мы перенесемся из далекой казахской степи в правительственные кабинеты российской столицы.

Высочайшие указы объявлены, но, между тем, полная неясность существует в том, чем именно должно заниматься Духовное собрание, кому подчиняться, и кем в нем является муфтий.

Кто такой муфтий? Все знали это слово и никто - что оно точно значит.

Похожее звание в петровской «Табели о рангах» отсутствует. Точного определения этой должности в высочайшем указе не дано, а выражено коротко и неопределенно: «В Духовном Собрании председательствовать первому Ахуну Мухамет Джану Гусейнову, коего Мы Всемилостивейше жалуем Муфтием с произвождением ему жалования».

Только лишь это. Ни слова о правах и обязанностях, связанных со званием, ни слова о предметах, подлежащих его ведению, ни слова о пределах его власти, о служебном ранге, - ничего не определено.

Слово торчало, как колышек, к которому за веревочный оплейник привязана была одна единственная фраза - «мухамеданский епископ».

Произнесенная первоначально советником Уфимского наместнического правления Дмитрием Борисовичем Мертваго, она распространилась по канцеляриям, достигнув, в конце концов, правительственный кабинетов. Но точное значение слова «муфтий», его «чинность» еще только предстояло установить.

До указа императрицы в числе чинов мусульманского духовенства восточной части России звание муфтия не встречалось ни в одном из правительенных документов. Не было и указаний на то, чтобы они существовали где-нибудь еще в России, за исключением недавно присоединенного Крыма.

Видимо, со званием муфтия, как высшего духовного чина, российская власть познакомилась именно после покорения Крыма, и на организацию духовенства, подчиненного Оренбургскому собранию, отразился в некоторой степени строй Крымского духовенства, хотя заимствования не пошли слишком далеко - Таврическое духовенство кастообразно, получение духовного звания там непременно

связано с принадлежностью к духовному сословию, в то время как в округе Оренбургского магометанского собрания всякий, избранный обицеством и достойный занять духовную должность мог быть в ней утвержден без различия сословий.

Неполнота законодательного акта давала место смутным предположениям и догадкам.

Можно было, к примеру, предположить, что закон не дал точного определения должности муфтия или потому, что видел в этом звании только почетный титул, или находил понятие о звании, сане и значении муфтия общеизвестным, так как в Крыму муфтии существовали издавна.

Некоторая ясность возникла, но позже. И даже когда планы обозначились, их понимали по-разному и сама императрица, и наместник, и муфтий.

Муфтий Хусейнов считал, что его назначили руководить учреждением дипломатическим и разведывательным. Цели, казалось бы, очевидны - привести Степной край к повиновению и препятствовать влиянию Хивы, Бухары и османского султана.

В пограничном Малом жузе проповедовали, к тому же, беглые казанские муллы, некоторые из которых пользовались значительным влиянием на казахскую знать. Они настраивали степняков к нарушению клятв верности императрице.

Свою обязанность и обязанность подчиненных ему мулл Хусейнов видел в том, чтобы прекратить эту враждебную агитацию. В Малом жузе и следует первоначально утвердиться, взять на себя крепкое руководство и муллами, и старшинами, и султанами, у которых влияние и власть.

Так Хусейнов понимал задачи, стоявшие перед собой. Такому пониманию способствовал его жизненный опыт. Опыт дипломатии и секретных миссий.

В благодарственном письме к императрице он именует себя «киргиз-кайсацким муфтием». Под своим началом он собирает группу особо доверенных имамов. Они должны действовать в качестве дипломатов и конфидентов, выполняя тайные планы империи и его, лично, муфтия Хусейнова.

Все муллы делятся на две категории. Часть из них постоянно живет в среднеазиатских городах под видом мулл, повышающих свои религиозные знания при известных медресе. Другая часть под видом торговцев регулярно туда выезжает с письмами-вопросниками от Хусейнова и доставляет обратно необходимые на них ответы.

Эти услуги оплачиваются из государственной казны подарками и правами на беспошлину торговлю. Транспортные расходы также предварительно возмещаются. Таков общий план.

Духовное собрание в Уфе, думал Хусейнов, будет центром подобного рода дипломатии и сбора секретных сведений о южных и восточных соседях России...

Мнение Игельстрома по основным вопросам совпадало с мнением муфтия Хусейнова, но он, однако, считал, что начинать работу следует с самого для наместничества безотлагательного. Он предполагал, что придуманная им комиссия для начала разберется с горами жалоб от мусульман и наладит делопроизводство.

Все наместнические инстанции, все суды и управы десятилетиями заваливались прошениями и доносениями о преступлениях и проступках местного мусульманского населения, а разобраться в этом не было никакой возможности. В Уфимской и Оренбургской канцеляриях переводчики-толмачи находились на жаловании, знатоки же мусульманского права отсутствовали.

В нижние и верхние расправы, в присутственные места продолжали приходить жалобы, прошения, которые муллы и ахуны не могли или не хотели разрешить сами. Сюда же приходили жалобы на самих мулл.

Кто должен заниматься делами об упразднении молитв, о прелюбодеяниях, употреблении алкоголя, другими нарушениями шариата?

Вскоре бумаги вообще перестали принимать к рассмотрению. Даже при самом большом желании неясно было, как решать возникающие вопросы. Неизвестный был, законы, правила – все незнакомо. Как православному человеку разобраться в чужих порядках и установлениях чужой веры?

Вот всеми этими вопросами Духовное собрание и должно заняться с самого начала, думал Игельстром. Кроме того, он считал, что необходимо не просто разгрести скопившиеся прошения мусульман, а составить для них руководства, инструкции на основе законов и правил, соответствующие государственному устройству и российским законам.

Для введения всех этих правил Игельстром составил проект положения о Духовном магометанском законе собрания. В нем оговаривалось, что состоит оно под ведомством Уфимского наместнического правления и равняется со средними судебными местами. Этот пункт вполне соответствовал

тому, как было устроено в это время государственное управление империей.

Был четко расписан весь порядок поступления на духовные должности азанчея, муллы и ахуна. Количество ахунов предусматривалось по два на каждый уезд, вне зависимости от числа мусульманских приходов. Порядок их определения на должность предусматривал несколько ступеней. Вначале муллу избирает сельское общество – мусульманская община-махала. Об этом земский исправник или кантонный начальник сообщают в наместническое правление. Последнее должно обязательно проверить, правильно ли прошли выборы, и не случилось ли где нарушений. После этого кандидатов направляют на экзамен в Духовное собрание. На экзаменах непременно присутствуют два члена верхней расправы. Тот, кто выдержал экзамен успешно, получает специальный документ наместнического правления – указ. Если же обнаруживается грубое отступление от закона, кандидату следует отказать.

Далее – очень тонкий вопрос, область отношений семейных и брачных. И здесь у Игельстрома свои соображения. Считая, что именно в этой области мусульманским населением особенно часто нарушаются справедливость и закон, генерал-губернатор тщательно описывает эти стороны жизни.

Жених до вступления в брак должен на трех пятничных праздничных богомолениях огласить решение о предстоящем бракосочетании. Аналогично оповещается и о расторжении брака. Духовное лицо, утвердившее развод, готовит для Духовного собрания обстоятельное доносение, поясняющее его причины. Обязанность религиозного учреждения заключается в том, чтобы проследить условия браков и разводов, а если оно находит, что закон нарушен, то может отменить постановления приходских мулл.

Прекращение злоупотреблений при браках, разводах и дележе наследства Игельстром усматривает в скорейшем приспособлении мусульманских традиций к европейским. Здесь оказывается весь романтизм барона и наивность его представлений о мусульманском быте.

Во второй части проекта Игельстрома расписаны правила строительства мечетей и проведения в них богослужений. В основу этому положены принятые еще в 1735 году правила выдачи

разрешения на строительство мечетей гражданскими властями. Теперь в этот процесс вовлекается Духовное собрание. «Всякий, мечеть построить желающий, чтоб просила на то позволение в Духовном магометанского закона собрании, а оное, рассмотря его просьбу и обстоятельства, опию оправдывающие, представило бы о том наместническому правлению». Как и в законодательстве о православных церквях, мусульманам разрешается на сто дворов иметь одну мечеть.

Число духовных служителей при мечети Игельстром не оговаривает, хотя в предварительном проекте предусматриваются по два человека на мечеть. Все духовные чиновники при мечетях и школах подчиняются уездным ахунам.

В третьей части проекта рассматриваются наказания за преступления против мусульманской веры - упущение молитвы, прелюбодеяние, пьянство. Шариатом за эти нарушения предусмотрены телесные наказания, но Игельстром предупреждает о незаконности таких действий - «...чтобы ни один духовный, ни же само Духовное собрание не отважилось налагать на кого-либо, а того менее совершать телесные наказания!» Вместо этого провинившегося предлагается вести путем исправления через воздействие публичным порицанием или же обязать его дополнительно посещать мечеть, а в случае особенно дерзких поступков содержать в мечети под арестом.

Наконец в четвертой, последней части документа, Игельстром определяет, чтобы в заведывании Духовного собрания состояли все школы, и «...чтобы оное имело смотрение над производством преподаваемого в них учения». Школы должны действовать при мечетях, содержание в других местах запрещается. Учителя школ, мударрисы, утверждаются в должности после сдачи экзаменов в Духовном собрании.

Игельстром считал, что в своем проекте он исходит не только из интересов государства, но и из нужд мусульманского населения края. Проект этот так и не был утвержден высшими властями, но, несмотря на это, за неимением других законов, он исполнялся, а многие его положения вошли в указы и постановления правительства более позднего времени.

Теперь - мнение просвещенной Императрицы.

Взирая на далекую провинцию с царственного трона, она полагала, что расширение границ государства должно подкрепляться инструментами политики, дипломатии, торговли и законодательства.

При дворе было достоверно известно, что многие мусульмане вновь присоединенных территорий видят в своем законном правителе, и светском и религиозном, османского султана и халифа, который считается главой единой мусульманской общины - уммы. Кроме того, заявляли о себе и фигуры помельче, претендовавшие на то, чтобы главенствовать над мусульманскими подданными российской императрицы. Среди них выделялись своими желанными посланиями-фетвами бухарские, кокандские и хивинские ханы и муфтии. Мало того, к удивлению императрицы, ей доложили, что некоторые дальние киргиз-кайсакские роды считают своим законным повелителем китайского императора! Это безобразие следовало прекратить.

Императрице задача сегодняшнего и будущего дня виделась в том, чтобы мусульманские окраины, включая так и не успокоившийся Степной край, признали и подчинились светской власти российских императоров, а духовную власть над собой признали бы за муфтием Хусейновым.

Так, в конце концов, все и соединилось: необходимость разгрести канцелярию и наладить судопроизводство, потребность в том, чтобы муллы проходили испытание на знание шариата, повествование о путешествии пророка Мухаммада, тонкая дипломатическая беседа за бесконечным чаепитием в дальних степных юртах и великие государственные планы, имеющие цель прекратить кровопролитие и мятежи, сотрясающие степные пространства со времен падения Золотой Орды.

Россия, завоевав бывшие территории улуса Джучи, стремилась к внутреннему спокойствию. Требовало к себе внимания сельское хозяйство, мануфактуры, горные заводы и соляные промыслы. Императрица видела путь ко всеобщему благу в гарантии веротерпимости и соблюдении законов империи на всем ее пространстве.

4.

*Если ты жаждешь приблизиться к Богу,
тебе следует искать Его в сердцах людей.*

Абу Саид Аби-л-Хэйр

Вернемся к рассказам муфтия Хусейнова. Из петербургских дворцов и наместнической канцелярии вернемся в Степной край, лишь на время нами оставленный. В другом кочевье, в другой юрте, среди

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!». Исламская каллиграфия

Аругих старшин муфтий Хусейнов продолжает свои увершевания и рассказы.

...В ночном своем путешествии идет Мухаммад мимо людей, которые сеют, а на следующий день уже собирают урожай, и все, что они скашивают, назавтра вырастает заново. И спрашивает пророк: «Кто они, о Джибрил?» Тот отвечает: «Это те, которые сражались на путях Господа, их благие деяния вознаграждаются Господом семижды по сто раз; все, что потратили они, возвращено им будет Аллахом, величайшим покровителем».

Потом проходит пророк мимо людей, спереди и сзади покрытых тряпьем, они бродят, словно верблюды или овцы, пожирая горькие травы. И Мухаммад спрашивает: «Кто они, о Джибрил?» Тот отвечает: «Это те, кто не дают подаяния от богатств своих, и Аллах поступил с ними по справедливости».

Потом проходит он мимо людей, стоящих перед котлами с вареным мясом, а рядом лежит мясо сырое, испорченное, но они берут и едят только вонючую гниль. И спрашивает пророк: «Кто они, о Джибрил?» И тот отвечает: «Это мужчины из со-племенников твоих, у каждого из них есть добрая законная жена, но он уходит к дурной женщине и проводит с ней ночь до рассвета. Рядом с ними - женщины, которые, имея законного и доброго супруга, уходят к разным негодяям и проводят с ними ночь до рассвета».

Потом идет пророк мимо человека, собравшего огромную вязанку дров, - хотя и не может он ее поднять, но все же добавляет еще и еще дров стараясь взгромоздить все это на плечи. Спрашивает пророк: «Что это значит, о Джибрил?» И отвечает ангел: «Это человек, который набрал много вещей в залог и, хотя не может их унести, все увеличивает их число...»

С большой обстоятельностью муфтий Хусейнов рассказывает о рае и аде. Навеянные жизнью и бытом знайной аравийской пустыни, эти хадисы близки и понятны степнякам.

Тех, которые уверовали и творили благое, ждет поселение в раю на вечные времена. Их ждут сады с виноградниками и прохладными реками. Праведники возлежат в тени деревьев на коврах и подушках, а пища их - чудесные плоды и питье. У их ног текут реки из чистой, никогда не портящейся воды, из молока, вкус которого не меняется, из меда очищенного. Их обносят плодами и мясом птиц, что они пожелают; женщины чистые, подобные жемчугу хранимые, полногрудые сверстницы с потупленными взорами, черноглазые и блондинки. И не слышат они в райских садах ни болтовни, ни обвинений во лжи...

Все получалось именно так, как задумал муфтий.

Вера входила, как семя в почву. Если погода благоприятствует, семена прорастают и посев заполняет землю. Погода благоприятствовала. Пришли давно ожидаемые ветра. Прохладные, северные.

Старшины, муллы и султаны Малого жуза признают религиозный авторитет Мухаметжана Хусейнова. Еще надежнее закрепляется имперская власть в Степном крае.

5.

В следующем году муфтий зачастил в столицу, а в конце года удостоился аудиенции Екатерины II, заверившей его в поддержке и благоволении, а вернувшись в Уфу заговорил совсем по-иному.

Перво-наперво он заявил, что равен отныне первоклассному чину, по меньшей мере, генерал-поручику, а, значит, имеет полное право именоваться «превосходительным и преосвященным».

Право на уважение в империидается по чинам. К особам первого и второго классов обращались «ваше высокопревосходительство», к особам третьего и четвертого - просто «превосходительство», к осо-

бам пятого класса, класса, так сказать, государственных бригадиров, требовалось обращаться «ваше высокородие». К лицам шестого-седьмого классов – «ваше высокоблагородие», девятого-четырнадцатого – «ваше благородие». Впрочем, в обычной обстановке, так можно было обратиться к любому дворянину любого чина.

Особой наукой являлись правила обращения к государю. На конверте надлежало писать: «Его императорскому величеству государю императору», само обращение начинать словами «Августейший монарх» или «Всемилостивейший монарх», ну и другие сложности...

Духовная сфера была регламентирована так же точно, как и светская. К митрополиту и архиепископу устно обращались «ваше высокопреосвященство», письменно – «ваше высокопреосвященство, высоко-преосвященный владыка». К епископу, устно – «ваше преосвященство», письменно – «ваше преосвященство, преосвященный владыка». К архимандриту и игумену – «ваше высокопреподобие», к священику – «ваше преподобие».

Желание муфтия Хусейнова именоваться впредь «превосходительным и преосвященным» вызвало у местных властей тревогу. Во многом загадочно прошлое муфтия, его связи, а также значение, которое он только что приобрел в Петербурге. Все это требовалось прояснить.

Соответствующий запрос из наместничества направлен в Сенат. Не удовольствовавшись одним запросом генерал-губернатор Игельстром едет в Петербург, где обсуждает дела муфтиата с секретарем императрицы князем А.А. Безбородко.

Оказалось, муфтий Хусейнов забирает слишком высоко и слишком быстро. Посовещавшись, решили: Хусейнов только лишь приступает к новой работе, сделать предстоит еще очень много, а слишком высокий статус муфтия может подорвать управление краем.

Игельстром просит отклонить неоправданные притязания, считая, что по многим причинам муфтий должен быть под начальством наместничества. Генерал-губернатор предлагает впредь именовать его «Высокостепенным», а также просит оградить губернские власти от безмерных притязаний. Он получает поддержку и право указать муфтию определенно, что его долг есть управление делами только лишь по духовному сану, а светских дел муфтию касаться не следует.

Нужно сказать, что существующая неопределенность касается не только статуса муфтия. По Высочайшему указу Духовное собрание должно выступать исключительно в роли комиссии для испытания лиц, ищущих духовного звания, но тотчас же после учреждения оно расширяет круг своей деятельности. Из сохранившейся переписки первого времени видно, что оно вмешивается во все дела, которые связаны с обязанностями ахунов и приходских имамов.

Такое расширение круга деятельности Духовного собрания, не согласное с буквой закона, отвечало, по-видимому, требованиям времени. Вскоре и само правительство принимает ряд законодательных мер, которые, с одной стороны, дополняют и разъясняют первоначальный закон, а, с другой, расширяют круг деятельности Духовного собрания.

В ряду распоряжений этого рода первым по времени вышел указ по вопросу о том, кем и на какой срок должны быть избираемы заседатели собрания. Сенат разъяснил, что Духовное собрание приравнено к средним присутственным местам, а заседатели средних присутственных мест «переменяются по выбору через всякие три года».

...Позже муфтий Ризаэтдин Фахретдинов так сформулировал задачи, которые обусловили создание Духовного собрания: «создать любовь к России» со стороны восточного Ислама, оставить без силы не имеющих официального статуса улемов, оказавшихся под российским скандалом, превратить ислам на берегах Волги и Урала в официальную религию и распространить всюду мектебы и медресе.

6.

После учреждения в Уфе Духовного собрания порядок назначения мусульманского духовенства на большей части России стал происходить в большей или меньшей мере уже на основе светского законодательства, учитывавшего, в то же время, наиболее важные принципы шариата, а также местные обычаи и традиции. С распространением государственности в Поволжье и на Урале выборность мусульманского духовенства сохранилась, но утверждение в должности духовного лица ставилась под контроль. Отныне избираемые местным населением духовные лица должны были подвергаться строгой проверке их богословской знаний и утверждаться в должности губернскими властями.

Сначала в Духовном собрании претенденты сдавали экзамен по теории и практике ислама. По его итогам присуждались духовные звания ахуна, мухтасиба, хатыба, имама или муэдзина, что удостоверялось свидетельствами. В уфимском муфтияте одновременно определялась и педагогическая квалификация: собрание выдавало свидетельство, в котором, наряду с духовным, указывалось педагогическое звание – мударрис, мугаллим или мугаллим-сибиан (от арабского «саби» – «дитя»). Затем документы кандидата, включающие утвержденный волостным правлением приговор мусульманской общины и выписку из журнала заседаний Духовного собрания, поступали на утверждение губернского правления. Здесь, при отсутствии каких-либо компрометирующих сведений ему выдавали именной императорский указ о назначении на искомую должность.

С момента получения указа на руки избранное общиной духовное лицо становилось так называемым указным муллой, муэдзином, хатыбом и могло приступить к исполнению своих обязанностей.

Такой порядок утвердился далеко не сразу. Даже в конце XIX века не только в отдаленных местностях, но иногда и в городах встречались «безуказные» муллы. Тем не менее, порядок утверждения на должность муллы муфтиятом и губернским начальством дал толчок к тому, чтобы «указной мулла» стал званием и профессией.

Официальных прав и льгот у служителей мечети, как считает историк Даниль Азаматов, было немного. Единственной их привилегией, закрепленной в законе, было освобождение от телесного наказания. Как правило, сельские общества своим решением освобождали имамов от денежных и натуральных податей и новинностей, принимая их на себя. Нельзя было увидеть муллу, который наравне с односельчанами участвует в ремонте дороги, моста или в перевозке груза.

Представителей низшего мусульманского духовенства правительство времена от времени награждало медалями. Им присваивали звания ахунов, личных почетных граждан, а в исключительных случаях и тарханов, по денежное довольствие для мулл установлено не было, хотя вопрос этот не раз в правительстве обсуждался. Поэтому, когда про указных мулл говорят как о правительственные чиновниках, то допускают грубейшую ошибку – отсутствие государственного жалованья и выборность мулл ставили

их в гораздо большую зависимость от прихожан, чем от чиновничего аппарата. В результате, многие сельские муллы противодействовали тем правительственным предписаниям, которые ущемляли права избранных их махалей.

Историческая справка

1788, 1 мая Генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества барон О.А. Игельстром обращается к императрице с предложением образовать в г. Уфе «особенную комиссию» во главе с главным ахуном края Мухамеджаном Хусейновым для приема экзаменов у претендентов на духовные должности. Кроме ахуна в комиссию предполагается ввести двух штатных ахунов и двух мулл. На каждом заседании комиссии предполагается присутствие двух членов верхней расправы и губернского прокурора. Этот проект Игельстрома ложится в основу указа Екатерины II.

1788, 22 сентября Императрицей Екатериной II подписан именной указ «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона, и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами этого закона, в России пребывающими». Инициаторы принятия этого законодательного акта – генерал-губернатор О.А. Игельстром и советник наместничества Д.Б. Мертваго. В указе подчеркивалось, что руководить духовным учреждением должны «люди, в верности надежные...». В территорию округа Духовного собрания вошла территория, включенная в состав России с середине XVI в. до 2-ой трети XVIII в., за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана и Степного края (Казахстана). Духовному собранию, в трактовке Ш. Марджани, были поручены следующие вопросы: «давать фетвы о верности или ошибочности деяний в религиозных делах мусульманам подчиненного им округа, духовных вопросах; принятие экзаменов у лиц, назначаемых на должности выполняющих обязанности по шариату ахунов, мухтасибов, мударрисов, хатыбов, имамов и муэдзинов в вопросах науки, практики и мо-

рали; выдача разрешений на строительство и ремонт мечетей; раздел имущества мусульман по шариату».

1789, 4 декабря Торжественное открытие Духовного магометанского закона собрания в г. Уфе. В число канцелярских работников Духовного собрания входят русские чиновники и служащие - секретарь Петр Атасев, переводчик Августин Мещеряковский, регистратор Никита Пилетский, помощник столоначальника Петр Харкевич, консист Панкратий Ульянов.

Указом от 20 апреля 1789 года Духовному собранию, как государственному учреждению, ассигновано 900 рублей на содержание секретаря, канцелярских и прочих служителей.

1789-1797 Официальное название Духовного собрания - Уфимское духовное магометанского закона собрание.

1789-1798 В г. Санкт-Петербурге выходят пять изданий Корана. Этот факт используется Екатериной II во внешней политике, в частности, в ходе войны с Турцией императрица получает возможность заявить о себе как о покровительнице ислама.

1789-1817 Устройство медресе для детей казахской знати в г. Оренбурге, первый опыт организации татарских школ в России за казенный счет с целью интеграции жителей Степного края в российское общество.

1790 Перевод с французского перевода дю Рис и издание Корана на русском языке. Перевод выполнен русским литератором М.И. Веревкиным, первым директором Казанской гимназии, стараниями которого в гимназии было введено преподавание восточных языков.

1792 Указом от 15 июня пятница в Духовном собрании, в отличие от других государственных учреждений, объявлена днем, «свободным от присутствия», так как «по магометанскому закону пятничный день есть день праздничный».

1794, 23 января Именным указом заявлено о создании магометанского духовного правления в Крыму, деятельность которого регламентирована в 1831 г. «Положением о Таврическом магометанском духовенстве».

1796-1802 Духовное собрание в этот период находится в г. Оренбурге, а затем уже окончательно возвращается в Уфу.

1797 При содействии муфтия М. Хусейнова утверждается Ханский совет для управления казахским Малым жузом, которым, фактически, руководит муфтий.

1797-1846 Официальное название Духовного собрания - Оренбургское духовное магометанского закона собрание.

XVIII в., конец Заметный рост влияния центральной власти на мусульманских окраинах империи. Купцы из российских мусульман становятся посредниками между Россией и ее мусульманскими соседями, серьезно помогая ее продвижению в глубь Средней Азии. Мусульмане широко привлекаются к службе в российской армии и на флоте, где создаются специальные должности мулла, ахунов и музейтов.

7.

Оценивая деятельность Осипа Игельстрома в устроении российских границ, управлении Степным краем и создании Духовного собрания, последующие историки писали, что наместник Игельстром в первый период руководства краем вводил некоторые порядки чрезвычайно спешно и не всегда последовательно. Объясняли это тем же, что нередко становится конфузом для государственных мужей - увлеченностью прекрасным полом.

Действительно, часть военных, политических и дипломатических усилий Игельстрома, и весьма значительная, отнималась от наместнических дел и уходила исключительно на приятное противоборство с дочерью хана Нурали, прекрасной Той-Карой.

Женщина умная, яркая, энергичная в движениях и до безрассудности смелая в поступках, она

была замужем за киргизом, коллежским асессором Нурумхаметом Хожею, занимавшим должность заседателя в пограничном суде. Проживая постоянно в Оренбурге, Той-Кара часто бывала в Уфе, Казани, Москве и Петербурге, усвоила внешнюю светскость, но одевалась всегда в национальные одежды, чем выгодно выделялась из светской толпы.

Изящная казанка, почувствовав потребность стареющего барона казаться бодрым и молодым, смогла приобрести на него влияние. Игельстром же ответил на ласки Той-Кары тем, что выхлопотал ей титул княжны и паствицное место для ее стада в окрестностях Оренбурга.

Той-Кара, встречаясь с Игельстромом, в приватных беседах с ним проводила свою политику. Она всячески стремилась содействовать продвижению потомков хана Абулхаира. В этом была ее тайная дипломатия, скрытно она по-своему тасовала государственную карточную колоду.

8.

...И вдруг снова вылезло из мешка старое шило. Хан ордынский Нурали вполне преснокойно живет в Уфе, дело, казалось бы, давно решено положительно, но оно опять требует государственного вмешательства!

Игельстрому доносят: нападения степняков на границу множатся, внутренняя междоусобица в Орде усиливается чуть ли не ежедневно, султаны и некоторые роды опять требуют себе хана в правители. Старейшины, избранные для присмотра за поведением народа, равно как и члены расправ, оказываются, ничего не исполнили, ни разу вместе не собирались, к разбирательствам дел даже не приступали, а ездят в Оренбург исключительно для получения жалованья. На орду они, как доносят конфиденты, влияния не имеют ни малейшего.

Видя, что наладить порядок в Малой Орде при посредстве разработанного им способа управления не удается, Игельстром задумался было о восстановлении ханской власти, и по этому поводу начал даже советоваться с султанами и старшинами, но тут его неожиданно вызвали в Петербург, а оттуда уже прямиком направили в финляндскую армию, действующую против шведов.

На этом закончилось первое, но не последнее губернаторство Игельстрома в крае.

Замещать его на посту симбирского и уфимского генерал-губернатора стал Александр Александрович Пеутлинг, до своего назначения состоявший правителем дел Уфимского наместничества и Уфимской губернии губернатором (такой сложный титул после административных преобразований Екатерины II стали носить начальники губерний).

С обстановкой в крае он был знаком, но о способах управления степью имел собственное мнение. Преемник Игельстрома считал, что к порядку и повиновению казахов могут привести только жесткие меры. Муфтий Хусейнов, по мнению нового генерал-губернатора, проявляя излишнюю лояльность к народу, который хотя и вошел в российское подданство, но не прекратил набеги и грабежи.

Свое мнение Пеутлинг имел о деятельности Духовного собрания. Его раздражали и постоянные просьбы муфтия к губернской администрации освободить содержащихся в пограничных крепостях казахов, и чрезмерные расходы, которые муфтий требовал от казны на подарки казахским старшинам. Посчитав Мухамеджана Хусейнова и Мендиара Бекчурина противниками своего курса, Пеутлинг отстранил их от участия в дипломатических миссиях.

Таким вот образом, после отъезда Игельстрома период буренодобной дипломатической деятельности муфтия Хусейнова сменился сначала затишьем, а затем полным штилем.

Однако не все решается одним лишь генеральным приказом. К тому времени духовная власть муфтия среди казахской верхушки была абсолютна, а его отстранение от дел вызвало сначала недоумение, а затем открытое недовольство султанов.

Летом 1790 года предводители степняков Кара-Кабек бий и Шубар бий обратились к члену Коллегии иностранных дел графу Безбородко с просьбой, «чтобы в будущем нашим степенным народом управляли вдвое барон Игельстром и муфтий Мухамеджан и чтобы люди, разоряющие наш жуз (подразумевался, естественно, Пеутлинг – С.С.), были удалены от нас подальше».

Судя по донесениям конфидентов Пеутлинга, мысль о необходимости скорейшего освобождения нового генерал-губернатора от должности внушila казахским султанам и старшинам сам муфтий Мухамеджан Хусейнов. Но как бы то ни было, а в ноябре 1794 года вице-губернатор Уфимского наместничес-

ства, действительный статский советник князь Иван Михайлович Баратаев сообщил войсковой канцелярии, что уфимский губернатор генерал-поручик Пелутлинг по Высочайшему повелению уволен впредь до определения к другим делам, а исполнять обязанности правителя наместничества и губернатора поручено ему, князю Баратаеву.

9.

После того, как в муфтияте была наложена экзаменовка духовных лиц и выдача свидетельств, возникла немалая проблема - некоторые влиятельные лица из числа абызов и мулл отказывались проходить экзамены в Духовном собрании. Авторитета муфтия они не признавали.

Сам принцип назначения на должность, который внедрялся муфтиятом, противоречил сложившейся десятилетиями практике и установившемуся порядку избрания мулл мусульманской общиной-махалей. Община выбирала людей, которых хорошо знала и уважала, выбранному мулле принадлежал безусловный авторитет, он становился для верующих учителем, судьей, лекарем, советчиком, к которому обращались по любому жизненно важному вопросу. Духовное собрание же, устанавливая контроль над свободно выбранными муллами, фактически вмешивалось в установившийся порядок жизни, нарушило права мусульманских общин.

Обозначились главные противники муфтията. Ими стали абызы.

Во главе каждой мусульманской сельской общине стояла группа стариков-аксакалов, обладавших значительным жизненным опытом и пользующихся влиянием на население, что делало решения совета старейшин обязательными для всех членов общинны. Кроме совета старейшин и общего собрания во главе каждого селения стоял еще и абыз, буквально от арабского «хафиз» - знающий Коран наизусть. На деле же знания у абызов были разные, в каких-то деревнях абызом могли назвать и неграмотного человека, немного сведущего в шариате и знающего наизусть несколько молитв и аятов из Корана, но отличавшегося высокими нравственными качествами или особыми заслугами.

Во всех спорных случаях, возникавших между отдельными людьми и семьями, сельское население обращалось за советом к абызам, которые утвер-

дились в мусульманских общинах как постоянные представители местной власти, обладающие реальными возможностями влиять на события. вне зависимости от уровня знаний и соответствия титулу, абызы становились вождями народного ислама с его культом святых-авлиев, с поклонением могилам и мавзолеям, с представлением о граде Булгаре, как мусульманской святыни Урало-Поволжья. Именно абызы в изолированных от мира сельских общинах становились хранителями исламских традиций и защитниками прав махали.

Не признавая духовной власти муфтия и Духовного собрания, после начала выдачи уфимским муфтиятом указов на должность мулл абызы оказались в конфликте с указанным духовенством, открыто выступив с критикой нововведений.

Их не устраивали, прежде всего, новые и достаточно жесткие требования к религиозному образованию и знанию духовными лицами шариата, заимствованные из Бухары. Не принимали они и саму процедуру экзамена, где любой взрослый и уважаемый человек может попасть впросак, и сам принцип того, что мулл, помимо свободных выборов в общине, должны утверждать власти. Поэтому на первых порах, когда Духовное собрание только начало свою работу, некоторые из назначенных указных мулл были фактически изгнаны абызами из мечетей. Так случилось в мечети при знаменитой Макарьевской ярмарке и еще в нескольких местах.

Движение абызов всколыхнуло мусульманское общество, в него включились и некоторые авторитетные духовные лица из числа суфийских шейхов, или как их называли в центральной России, ишанов. Одним из главных противников муфтията стал Оруви, ишан Хабибулла аль-Ури, имам деревни Ура Казанской губернии.

Оруви учился в Бухаре и Кабуле, получил в Кабуле посвящение-инициацию от знаменитого шейха ордена Накшбандийа Фаизхана Хозырхана аль-Кабули. Среди мишарского населения у него было множество последователей и учеников-миоридов. Его считали святым. Поклонение ему дошло до того, что люди даже целовали следы от колес его телеги, от полозьев его саней.

Авторитет Оруви был признан не только мусульманским обществом, но и нижегородской губернской властью. Благодаря поддержке властей ему удалось занять пост имама самой крупной в крае

мечети на Макарьевской ярмарке, которая являлась главным торговым центром Поволжья. Вступая на этот пост, Оруви прогнал из мечети муллу, лично назначенного муфтием Хусейновым.

С именем Оруви связана попытка противостоять не только муфтиату, но и лично муфтию. Оруви подговаривал ваяительных мусульман сместить муфтия, всячески обличая Мухаметжана Хусейнова.

После нескольких неудач Оруви отправился в Санкт-Петербург, где пытался добиться создания самостоятельного Духовного собрания Саратовской губернии, объединяющего мусульман между Волгой и Окой. Он намеревался ввести сан муфтия, на который сам и претендовал. Вдохновляла Оруви сложившаяся практика управления религиозными общинами в отдаленных от городов мишарских деревнях, где имамы обладали всей полнотой власти.

Но и петербургские чиновники не пошли Оруви навстречу. Тогда, как признанный суфийский шейх, он открыл в родной деревне Уре ханаку – центр обучения для своих многочисленных мюридов, в котором служил до самой своей смерти.

Могила Оруви для местных мусульман превратилась в центр поклонения. Очевидцы писали, что видели, как люди целуют землю там, где ступала нога Оруви, как едят землю с его могилы на кладбище деревни Уры.

Наряду с абызами, для мусульманских общин Закамья, горной стороны Волги и Южного Урала именно суфии братства Накшбандийя играли роль авторитетов в духовной сфере. Многие мусульманские общины в отдаленных деревнях, часть приходов Казани, а также медресе Мачкары находились под полным влиянием суфиев Накшбандийя, не признавших муфтия Хусейнова. Всю остальную территорию округа Духовного собрания уже контролировал к этому времени уфимский муфтий.

Пройдет всего полвека, и движение абызов полностью сойдет на нет, но суфийские братства Накшбандийя останутся, их традиции будут продолжены в веках.

Особой прочностью обладали эти суфийские братства. Знаменитый проповедник ислама Кушайри так писал о них: «Бог сотворил сию общину избранных меж Его друзей... и очистил их от всяких темнот. Суфизм есть врата к примерному поведению и отвращение от недостойного поведения. Суфизм означает, что Бог побуждает вас умереть для себя, дабы вы жили

в Нем... Знак неподдельного суфия в том, что он онуждает себя бедняком, будучи богатым и смиренным, имея власть, и неприметным, имея славу. Суфизм означает, что вы ничем не владеете, и ничто не владеет вами. Суфизм означает, что вверение души Богу превыше всех иных желаний. Суфизм означает овладение духовными сущностями и оставление того, чем владеет тварное... Суфизм есть состояние, при коем исчезает все, что свойственно состоянию человеческому. Суфизм есть ослепительно сверкающая молния...»

10.

Декабрь 1796 года, начало месяца.

Рано утром в Уфу примчался правительственный курьер, а в полдень начался соборный благовест, гремела пушечная пальба в честь нового императора.

Иркутск же узнает о смерти императрицы в конце месяца. Камчатка продолжала жить под властью Екатерины II до начала следующего года.

Одно из вынесенных в том же году установлений императора Павла I – указ «О новом разделении государства на губернии» и учреждении Оренбургской губернии, «что до сего была Уфимской». Генерал от инфантерии барон Осип Андреевич Игельстром вновь призван на службу и, как знаток восточных территорий, назначен военным губернатором Оренбургской губернии.

Уфа остается губернским городом, а вся губерния делится на десять уездов. Города Белебей, Бугуруслан и Сергиевск переводятся из уездных в заштатные. Учреждается губернскоеправление, палаты гражданского и уголовного суда, казенная палата, приказ общественного призрения, шесть городнических и десять уездных судов.

Для управления обширной территорией вводится разделение власти и учреждаются должности двух губернаторов – военного и гражданского. Военному губернатору передаются права генерал-губернатора, помимо военных дел, в его ведении находятся и пограничные дела. Местом его пребывания определен Оренбург.

Генерал от инфантерии, военный губернатор, командующий Оренбургской дивизией, шеф Рыльского мушкетерского полка барон Игельстром прибывает в Оренбург в январе 1797 года. В феврале он объявляет о своем вступлении в должность и распоряжается по всем делам, касающимся Оренбургского казачье-

го войска, обращаться к нему и состоять непосредственно под его начальством.

Первое, что делает Игельстром, это объезд губернии с инспекцией.

В каждой из попутных крепостей наряжено по двадцать упряженых казачьих лошадей и конвой в десять казаков. Объезд совершается по тракту от Оренбурга на Самару, Уфу, Красноуфимск и Екатеринбург, а оттуда прямейшим трактом на Звериноголовскую крепость.

«Стражка по Оренбургской линии вообиже достаточная и содержитя так, как надобно, и долговременные опыты доказали, что сими учреждениями граница совершенно безопасна от соседей», - пишет Игельстром в Сенат. Однако, проведя смотр приливным казачьим, башкирским и калмыкским войскам, он приходит к выводу о необходимости реформировать в них само управление.

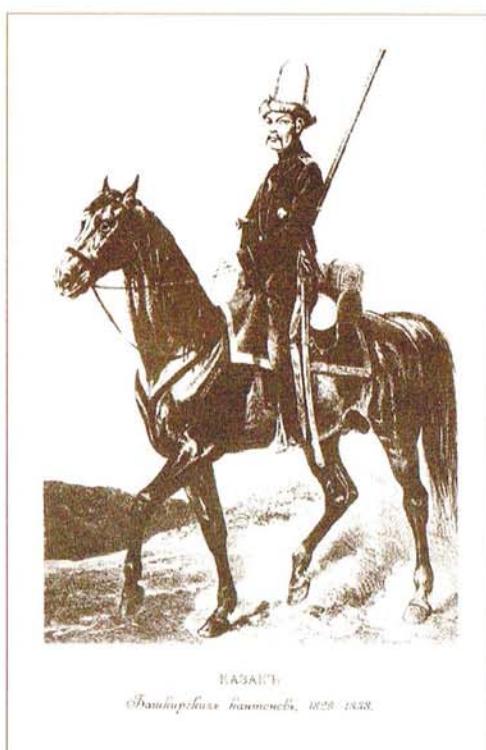
Сенату Игельстром предлагает новую систему, называя ее «кантональной». Проект барона принят, и в апреле 1798 года Сенат дает Игельстрому следующее поручение:

«1) Точно исчислить башкирцев, казаков и калмыков, могущих нести службу, считая по летам от 20 до 50 лет и разделить их по кантонам. А при нарядах на службу строго наблюдать, чтобы службу на линии отбывали жители ближайших к линии кантонов; 2) самую линию для отбывания службы разделить на пять дистанций».

Выражалась также надежда, что благодаря вышеописанным учреждениям Оренбургская линия навсегда будет безопасна, «и тягость содержания оной гораздо менее чувствительна, нежели ныне».

В августе того же года Игельстром сообщил в Петербург, что, оренбургская линия, имеющая протяжение от реки Тобол вниз по реке Урал до Каспийского моря, разделена им на пять дистанций. Первая - крепости и редуты от Усть-Уйской крепости до Верхнеуральска, присоединяя к ней Звериноголовскую крепость и Алабужский редут. Вторая - от Верхнеуральска до Орска. Третья - от Орска до Оренбурга. Четвертая - от Оренбурга до Уральска. Пятая - от Уральска до Гурьева городка.

Игельстром приказал определить, где какому кантону нести службу и избрать прямые тракты для следования на службу. На время службы всех командированных приказано снаряжать от общества, а самому обществу дан наказ оставшимся без мужчин

КАЗАК
Башкирский кантонец. 1828-1838.

Казак башкирских кантонов. Гравюра середины XIX в.

семействам делать подмогу в хозяйстве, особенно во время жатвы и сенокоса.

В наказе, данном башкирским и мензиряцким кантональным начальникам, особенно подчеркивалось, чтобы командируемые на службу партии наряжены были не иначе, как по очереди, и снабжаемы оружием, одеждой, лошадьми и съестными припасами от всего общества. Помимо оружия и лошадей, командируемые на линию наряды должны быть «обмунированы отнюдь не ветхой одеждой по башкирскому обыкновению».

Башкиры распределялись по одиннадцати кантонам, мензиряки - по пяти. Башкир насчитывалось около двадцати восьми тысяч, мензиряков - около восьми; башкиры и мензиряки несли службу по оренбургской линии наравне с казаками. Во главе башкирских и мензиряцких кантонов назначались Военной коллегией юртовые старшины и зауряд-чиновники. Зауряд-офицерские звания от зауряд-хорунжего до зауряд-есаула присваивал сам Игельстром, не утруждая Петербург лишними бумагами.

Теперь, когда на должность оренбургского военного губернатора был вновь назначен Игельстром, позиции муфтия Хусейнова вновь усилились. После длительного перерыва он наносит визиты в Малый жуз, при его содействии в Степном крае учреждается Ханский совет.

Мухамеджан Хусейнов фактически руководит им и постепенно склоняет казахских султанов к выборам ханом Айчувака, расценивавшегося правительством как наиболее лояльного и благожелательно настроенного к России. Но, несмотря на все предпринимаемые меры, набеги степняков на оренбургскую линию не прекращаются. К примеру, по данным историка Д. Азаматова, в августе 1798 года отряд казахов захватил из деревни поменщика, коллежского советника Тимашева, а за рекой Сакмарой еще шесть человек. На обратном пути пленные были отбиты казаками под начальством капитана Безкручинина, за что тот ходатайством Игельстрома был произведен в сотники.

Историческая справка

1800 Указом от 15 декабря сняты ограничения на публикацию в России мусульманской религиозной литературы. По просьбе казанских татар при Казанской гимназии учреждена Азиатская типография.

1801 Азиатской типографией г. Казани издан Коран, близкий по внешнему виду санкт-петербургскому изданию Корана. Экземпляры именно этого издания получили наименование «Казанские Кораны».

1801-1802 Арабский шрифт типографии Российской Академии наук в г. Санкт-Петербург полностью передан в Азиатскую типографию Казани.

1810 При Министерстве внутренних дел создан Адспартамент духовных дел иностранных исповеданий, как орган управления и контроля за религиозными учреждениями иностранных и иноверцев.

Духовное собрание в г. Уфе приравнено по основной деятельности к средним судебным учреждениям с подчинением местной администрации и Адспартаменту духовных дел иностранных исповеданий.

1821 В г. Уфе учрежден попечительский комитет о бедных при императорском человесколюбивом обществе под покровительством губернатора, епископа, муфтия Духовного собрания и почетных граждан города.

11.

Ты можешь испробовать сотню различных ухищрений, но только любовь освободит тебя от самого себя. Так никогда не избегай любви - даже любви в ее мирском обличии - ибо это подготовка к высшей Истине.

Разве мог бы ты читать Коран, не выучив вначале букв алфавита?

Джами

Женщины приходят в чужую жизнь и перекраивают ее так, как они делают со своими плащами. Опять-таки, и в судьбе муфтия Мухаметжана Хусейнова присутствовала обольстительница. Звали ее Айша, турчанка, вдова коменданта крепости Измаила, погибшего при штурме ее российскими войсками.

Волей случая или судьбы Айша оказалась в России, ее вывезли в Казань, здесь она вышла замуж за известного купца второй гильдии С. Апанаева. Вскоре тот умер, оставив вдове двоих детей и огромное наследство. В течение трех лет к Айше сватались женихи из чиновников и купцов, но всех она отвергала.

Приехав в Казань для встречи с императором Павлом I, муфтий, по совету старшего ахуна города Хозяинева, остановился в огромном доме Айши. Хозяйка, к которой женихи давно и безуспешно сватались, сделала, наконец, свой выбор. Муфтия же Айша поразила красотой и знанием шариата.

Постель - наиболее приближенная к космосу местность. Живейшее из наслаждений закончилось содроганием почти болезненным, по виду - предсмертным. Когда же он ожила, то обнаружил спящую рядом Айшу, свернувшуюся калачиком.

Подушки, скомканные простыни хранили следы тепла. Висело на стуле платье в мягких очертаниях уюта и бессилия. Он тогда и подумать не мог, что Айша потребует для себя положения львицы, потому лишь только, что лежала рядом со львом...

Совсем недолго длилась их совместная жизнь. Мухамеджан Хусейнов, услышав, что Айша и с судейским начальником параллельно амурилась, немедленно из Казани отбыл.

Отвергнутая и разгневанная Айша забросала правительственные и судебные инстанции прошени-

ями. В них она утверждала, что Хусейнов заключил с ней брачный союз, что он потратил ее имущество, которое Айша требовала вернуть.

Через некоторое время муфтия, возвращающегося из Москвы, судебные власти задержали в Казани. Причиной этому послужил его отказ явиться в суд. Казанский судья вынес решение, по которому Мухамеджан Хусейнов был признан виновным в обмане купчихи, а суд постановил взыскать с него почти три с половиной тысячи рублей.

Муфтий некоторое время отказывался возместить ущерб, но когда уфимские власти стали настойчиво требовать сделать это, Хусейнов предложил вначале в качестве компенсации часть своих земель в Уфимском уезде, а потом бриллиантовые серьги своей покойной жены. Губернское правление отказалось от компенсации в такой форме и уфимский городничий вместе с частным приставом, описав имущество муфтия, забрали часть его венецей.

После всей этой истории Мухамеджан Хусейнов принял решение жениться как можно скорее. Он намеревался взять в жены дочь находящегося в уфимской ссылке хана Малого жуза Нурали. Хан с радостью дал согласие на брак, а генерал-губернатор А.А. Пеутлинг обратился в правительство с просьбой выдать соответствующий рескрипт. Неясно, что именно помешало свадьбе, возможно, несогласие петербургских чиновников, не исключено – последовавшая вскоре смерть хана Нурали, но женитьба не состоялась.

Следующей стала попытка взять в жены дочь покойного киргиз-кайсакского хана Ишими. Предварительно муфтий добился согласия султанов, затем им было отправлено прошение императору Павлу I. Через некоторое время разрешение было получено, но пока шла переписка, дочь хана Ишими вышла замуж за сына султана Зянибека.

Муфтий написал тогда письмо Павлу I с просьбой помочь вернуть суженую, однако император посоветовал ему в таком деле, как женитьба, полагаться исключительно на собственные силы.

Тогда муфтий стал искать более надежную невесту. Избраницей стала родственница хана Айчувака, дочь бывшего хивинского хана Каля султана. Бракосочетание состоялось в 1800 году в Оренбурге. Присутствовала вся верхушка казахского общества и проводившие тогда ревизию губернии сенаторы М.Г. Спиридовон и Н.В. Лопухин.

Жену муфтия звали Каракуз, но Мухамеджан Хусейнов, похлопывая ее по спине, звал ее на русский лад, Лизаветой.

Женская любовь без взаимности. Мужское поклонное равнодушие. Несвободные души, скованные внутренними цепями. Горькая выступает слона по имени полынь.

12.

Тяжбы, суды, в которые муфтий был вовлечен, наносили ущерб его репутации. Но если истории с женщиными были в большей или меньшей степени безобидны, то обвинения со стороны мусульманского духовенства переживались особенно тяжело.

В 1803 году муфтия, как пишет исламовед Д. Азаматов, обвинили в нарушении норм шариата. В прошении, направленном на имя министра внутренних дел В.П. Кочубея, некий Абдулла Хисаметдинов перечислял проступки муфтия: ношение шелковой одежды, пользование золотой посудой, неисполнение пятикратных молитв. В письме приводились факты разного рода самоуправства, включая незаконное сменение с должности тех, кто муфтию неугоден, и покровительство уездным ахунам, берущим взятки.

Наконец, самое тяжелое обвинение – получение подношений во время объезда махалей, входивших в территорию подчиненного муфтию округа, и прием экзаменов.

Абдулла Хисаметдинов писал, что муфтий во время испытания имамов, которое он проводит в собственном доме, «берет с мулл деньгами по 20, 30 и 50 рублей, а иногда и более, которые ему беспрекословно платят. Если же случится из них достойный, да не даст ему денег, то он во время испытания задает такие вопросы, которых, может быть, вовсе не имеется. Так он опровергает знания испытуемого и стать имамом не давшему взятки уже невозможно».

Через год с похожим обвинением против муфтия выступил ахун деревни Лагирово восьмого башкирского кантона Яныбай Ишмухаметов, составивший список из четырех ахунов и мулл, которые из-за угроз лишения должности вынуждены были давать муфтию взятки. В отличие от других жалобщиков, Ишмухаметов открыто дал показания в Оренбургской палате уголовного и гражданского суда, но надежды

ахуна на разбирательство дела судебным порядком не оправдались. Имамов для расспроса вызывали в губернское правление, где присутствовал сам Мухамеджан Хусейнов, который уже одним своим видом приводил жалобщиков к покорности, а дополнительными вопросами вовсе уничтожал.

В следующем письме, с которым Яныбай Ишмухаметов обратился к военному губернатору Волконскому, он жаловался уже не на муфтия, а на судью и говорил, что прощается с жизнью. Следствие, проведенное чиновниками губернского правления, писал Ишмухаметов, целиком зависит от Духовного собрания и ведет не к изобличению его степениства муфтия, а к совершенной погибели его, Ишмухаметова.

По личному приказу губернатора Волконского, следствие было проведено весьма тщательно. Судейские чиновники опросили мулл и мусульманское население нескольких уездов Оренбургской и Казанской губерний. Выяснилось, что большинство духовных лиц дачу взяток муфтию отрицают. В то же время несколько мулл Казанской и Оренбургской губерний показывали, что Мухамеджан Хусейнов берет разного рода подношения. В Казанской губернии неотчетливые слухи о мздоимстве муфтия ходили среди местного населения, но никакими фактами они не были подкреплены.

И тогда Мухамеджан Хусейнов рассердился по-настоящему. Он потребовал рассмотреть все выдвинутые против него обвинения в Правительствующем Сенате. Окончательное разрешение на возбуждение против него уголовного дела, полагал муфтий, должен дать только император.

Настойчивость муфтия принесла свои плоды. А.Н. Голицын в послании к губернатору Г.С. Волконскому в октябре 1811 года писал о том, что «производство суда над муфтием в Уголовной палате Государь высочайше повелел прекратить и впредь муфтиев, ежели окажутся в поступках суду подлежащих, судить в Правительствующем Сенате с доклада Его Величеству через главноуправляющего департамента духовных дел иностранных исповеданий».

Таким образом, в результате долгих тяжб глава Духовного собрания фактически добился неприкосновенности своей персоны, тем самым значительно подняв сам статус муфтия, а Яныбай Ишмухаметов, главный обидчик муфтия, от должности был отстранен.

13.

Идет время, и Духовное собрание все более укрепляется на территории своего округа. Постепенно все назначения на духовные должности становятся его безоговорочной прерогативой. Происходят они по принципу двух ключей – указа муфтиата и утверждения губернским правлением.

Не сразу, но две эти инстанции налаживают взаимодействие. Теперь медресе, где работают учителя-мударрисы, не пропавшие экзамена в Духовном собрании и не получившие указанную грамоту, теряют учеников, ибо учеба здесь теряет смысл – с таким образованием занять духовную должность невозможно. И другая сторона дела: поступив на обучение к указанному имаму, ученики-шакирды фактически не могут теперь покинуть медресе, так как после этого они лишаются права получить указ Духовного собрания.

Постоянно обсуждаются в муфтияте вопросы об улучшении духовного образования. Все больше открывается в округе Духовного собрания мектебов и медресе, но в большинстве своем обучение в них ограничивается изучением арабского алфавита, правила чтения Корана и вопросов религиозной халастики. Ограничительность такой подготовки очущается все более остро. В 1818 году муфтий Хусейнов направляет министру просвещения А.И. Голицыну свой проект реформирования мусульманского образования.

О действующих мектебах и медресе он говорит очень жестко – «преподаваемое юношеству учение не только бывает продолжительно, но и по различности мыслей и внушению со стороны учителей очень мало соответствует совершенно здравому смыслу».

Муфтий предлагал учредить в Оренбурге при военном губернаторе и при Казанском университете два мусульманских училища, привлекая для обучения в них не только татар и башкир, но и представителей соседних азиатских народов. Предполагается, что студенты должны изучать русский и европейские языки, широкий спектр точных и естественных наук, чтобы после окончания они имели возможность поступить в университеты. Муфтий заявляет, что готов для новообразованных училищ передать свою обширную библиотеку.

На устройство этих училищ он предлагает направить суммы, уже запланированные правительством на учреждение Оренбургского Неплюевского училища, а также средства, которые предполагалось получить от богатых мусульман как пожертвования. Помимо этого, муфтий просит предоставить ему право накладывать штрафы на согрешивших мусульман, а полученные средства направлять в образовательные учреждения. Для управления всеми мусульманскими учебными заведениями муфтий предлагает учредить специальный училищный департамент, который сам и собирается возглавить наряду с Духовным соборием.

Этот проект муфтия встречен восторженно.

Его одобряет и министр просвещения, и эксперты - профессор Казанского университета П. Кондырев и титулярный советник Н. Романов. Кондырев не скучится на похвалы: «Осуществление плана нашего дорогого муфтия навсегда оставит его имя в сердцах мусульман Российской империи...» И подобное, в том же духе...

Но муфтий Мухамеджан Хусейнов смущен. Не похвалой, его тревожит другое - попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магниецкий высказал намерение превратить мусульманские училища в православные миссионерские центры. Муфтий видит в этом тайные планы отклонить мусульман от ислама.

Это его пугает настолько, что он отказывается от всех своих образовательных проектов. Теперь, вместо того, чтобы отстаивать свою позицию, вести диалог и приводить аргументы, он полностью отстраняется от дальнейшей разработки проекта, уклоняется от встреч с руководителями министерства просвещения и преподавателями Казанского университета.

Начатый было процесс учреждения мусульманских училищ приостановился, а вскоре и вовсе заглох.

14.

В начале XIX века муфтий Хусейнов по-прежнему оставался ключевой фигурой в мусульманском мире России.

Его деятельность как дипломата и конфидента, география его поездок значительно расширяются. Муфтий отправляется на Кавказ, где принимает от кабардинцев российских пленных, организует у горцев родовые суды по законам шариата, вводит процедуру принятия присяги на верность российской ко-

роне на Коране. В 1805 году он участвует в секретной комиссии по делам туркмен, живущих на восточном побережье Каспийского моря.

Приведем некоторые из наиболее красноречивых документов, свидетельствующих о степени важности выполняемых муфтием правительственные поручений.

Отношение товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского главноуправляющему на Кавказе о целях поездки к туркменам восточного побережья Каспийского моря Муфтия Мамед-Джан-Хусейна.

8 сентября 1805 г.

В отношении моем имел я честь сообщить вашей светлости, что государь император, желая водворить тишину и порядок между туркменским народом, высочайше указать Вам соизволил к избранию нового хана вместо Пиргали...

Признано, что с пользой употребить можно по туркменским делам оренбургского муфтия Мамед-Джан-Хусейна, коего усердие и опытность в делах азиатских могут содействовать к успешному производству начатых в том крае дел...

Для исполнения высочайшего повеления нужно отправить одного из штаб-офицеров свиты его величества, 1) дабы обозрел, сколько можно будет, восточный берег Каспийского моря, подаваясь от востока к полунию, 2) приискать удобное место для построения крепости, 3) во время пребывания там стараться приобретать точнейшие познания о разных туркменских поколениях, враждующих с Баба-ханом, и привлекать их к российскому правительству.

Действия сего штабс-офицера будут подкрепляемы властью и посредничеством муфтия, который усердно будет ему во всем способствовать.

При расторопности российского чиновника и при надлежащей скромности муфтия удобно может произвести диверсию с той стороны против Баба-хана или по крайней мере приготовить туркменские роды, ближайшие к Астрabadу, принять оружие на персидян при первом от вашего сиятельства извещении...

На путевые издергки и другие расходы муфтию Джан-Хусейну выдано 2500 рублей, как значится в данной ему инструкции, и, сверх того, определено ежегодно на канцелярские расходы 500 рублей, которые впредь имеет он получать из экстраординарных сумм.

Должно ожидать, что осенние месяцы пройдут в переписке, зимние неудобны будут к мореплаванию. По крайней мере, желательно, чтобы мuftий и штаб-офицер находились на туркменских берегах будущей весной.

В деле же, относящемся до избрания нового хана к туркменскому народу, мuftий вступить может тотчас по получении от вашего сиятельства нужных наставлений и ожидает оных в Астрахани, в Оренбурге или в ордах киргизских, куда он намерен отправиться для приготовления к переговорам и для свидания со своими родственниками. Из всего выше писанного, ваше сиятельство, усмотреть изволите, что отправление к туркменскому народу мuftия Джан-Хусейна представило благоприятный случай привести в движение начатые там дела и успешно употребить его посредничество...

В заключение сего препоручаю мuftия Джан-Хусейна в милостивое вашего сиятельства к нему расположение...

Того же дня, 8 сентября, А.А. Чарторыйским мuftию Хусейнову была дана следующая секретная инструкция:

...В 1803 г. вступивший в подданство его величества туркменский народ, на восточном берегу Каспийского моря обитающий, просил о построении российской крепости при урочище Мангышлаак для защищения их от притеснения киргизов. Государь император соизволил принять за благо такое прошение, и в том году отправленный от генерала от инфантерии князя Цицианова инженер-поручик Лошкарев, осмотрев сие местоположение, написал удобнейшим построение крепости в урочище Гедик... Ныне генерал от инфантерии князь Цицианов получил высочайшее повеление отправить туда вновь инженерного штаб-офицера для поверки описания поручика Лошкарева.

...Вам, высокостепенному мuftию, надлежит в сем деле по возможности вашей содействовать столь полезному намерению через точнейшее и подробное разведывание у туркменцев о выгодах того края и через доставления инженерному офицеру нужных сведений о восточном береге Каспийского моря, чем окажете Вы важное благодеяние туркменскому народу и доставите России верное средство защищать его от нападений киргизцев...

Когда через благоразумное и осторожное поведение ваше приобретете Вы у туркменского народа

приличную вашему сану доверенность, то можете Вы деятельностию вашей оказать и услугу касательно дел персидских...

Туркменские роды всегда притесняемы от персов. В 1796 г. во время экспедиции на Персию туркменцы в приязненных сношениях с российским начальством, присыпали от себя депутатов и готовы были поднять оружие на Персию. Следовательно, ожидать должно, что и теперь не трудно будет наклонить их к содействию с российскими войсками против общего неприятеля, коль скоро потребует сего нужда.

...Возлагая на Вас столь важное препоручение, государь император пребывает в твердой надежде, что скромность и благоразумие Ваше не допустят распространяться ложным слухам и толкованиям, свойственным азиатским народам, и что по сей причине Вы уклонитесь от всяких высказываний, могущих огласить ваши поручения преждевременно и тем самым сделать их бесполезными.

Духовное звание, вами отправляемое, будучи уважаемо, доставит Вам приличные способы быть полезным России и вкупе единоверным с вами магометанского закона народам ...

«Туркменские дела» были проведены мuftием успешно, а спустя год он вновь выезжал в Астрахань на тайные переговоры с казахскими султанами. По поручению властей Мухамеджан Хусейнов разработал и представил в Санкт-Петербург проект «об устройстве Малого жуза и способах возмещения убытков купцам, торгующим с азиатскими странами».

Эти переговоры с верхушкой Малой Орды были, пожалуй, последними из успешных дипломатических миссий мuftия. Вскоре эта его деятельность пошла на спад.

Как отмечал губернатор Г.С. Волконский, мuftий утратил доверие казахского хана и его окружения. Кроме того, выезжать в Степной край стало небезопасно – большинство казахских родов перестали подчиняться духовной власти мусульманских служителей, наоборот, все чапе казахи брали российских мулл в заложники и требовали за них выкуп.

Губернатор Волконский был вынужден доложить в Петербург, что старые испытанные методы взаимоотношений с казахской знатью больше не действуют, нужно искать иные пути управления Степным краем.

15.

Ближе к концу жизни Мухамеджан Хусейнов все меньше занимался разъездами, все больше времени проводил в библиотеке. Составлена она была преимущественно из книг на арабском и турецком языках. Писать муфтий предпочитал на персидском.

Большинство современников высоко оценивали его богословские познания, хотя находились скептики, утверждавшие, что его сочинения представляют собой бессмысленный набор цитат из религиозных книг.

Кто-то объяснял распространенное мнение об эрудированности муфтия всеобщим невежеством мусульманского общества, для которого любой человек, получивший образование в Бухаре, считался знатоком мусульманства, другие связывали отзывы о высокой образованности муфтия с боязнью мусульманских ученых-uleмов открыто высказываться против своего руководителя, но государственные люди признавали высокие достоинства Мухамеджана Хусейнова. Он был принят в почетные члены Совета Казанского университета и Санкт-Петербургского вольного экономического общества.

* * *

Заканчивая рассказ о муфтии Мухамеджане Хусейнове, хочется напомнить старинную суфийскую легенду о человеке по имени Моджуд.

Часто приходится встречать прием, когда биографами рисуется фигура праведника без лица и поступков, молящегося, совершающего благие поступки, никогда не ошибающегося, идущего по пути нравственного совершенствования как бы солдатской поступью.

Такое повествование весьма назидательно, но очень далеко от истины.

Так вот, история про Моджуда. Он жил в городе, где добивался поста мелкого служащего. Наверное, он окончил бы свои дни как уважаемый всеми инспектор мер и весов, не исключено, но однажды, когда он проходил через густую чащу, Хидр, таинственный проводник суфиев, появился перед ним, окутанный мерцающим зеленым сиянием. Хидр сказал: «Ты – человек блестящих перспектив! Оставь свою работу и встречай меня на берегу реки через три дня». Потом он исчез.

Моджуд пришел к своему начальнику в смятении и сказал, что должен уволиться. Все родственники и знакомые Моджуда, услышав об этом, говорили: «Несчастный Моджуд! Он сопел с ума».

В назначенный день Моджуд повстречал Хидра, который заявил: «Сорви свою одежду и бросайся в поток. Возможно, кто-нибудь спасет тебя».

Моджуд так и сделал, хотя удивился и рекомендации суфия, и степени безумия собственного поступка. Так как он умел держаться на воде, он не утонул, а долго дрейфовал, пока какой-то рыбак не втащил его к себе в лодку со словами: «Глупец! Течение очень сильно. Что ты пытаешься делать?»

Моджуд сказал: «Я и сам не знаю».

«Ты – безумец, – сказал рыбак. – Но, я беру тебя к себе в тростниковую хижину, вон там на реке. Мы посмотрим, что можно для тебя сделать».

Когда рыбак обнаружил, что Моджуд хорошо образован, он выучился у него читать и писать. Взамен Моджуд получал пищу и помогал рыбаку в его работе.

Несколько месяцев спустя, когда Моджуд уже совершил вечернюю молитву, Хидр, окруженный зеленым сиянием, появился вновь и сказал: «Сейчас же оставь этого рыбака и отправляйся в дорогу».

Моджуд тотчас же покинул хижину и долго плутал в темноте до тех пор, пока не вышел к торговому пути. Когда рассвело, он увидел крестьянина. Тот ехал на осле на базар. «Не ищешь ли ты работу? – спросил крестьянин, – мне как раз нужен человек, чтобы поднести товар».

Моджуд последовал за ним. Он проработал у крестьянина около двух лет. За это время он научился содержать овец и кое-чему еще. Как-то днем, когда он укладывал шерсть, перед ним появился Хидр и сказал: «Оставь эту работу, ступай в старинный город Мосул и используй свои сбережения, чтобы стать продавцом кож».

Моджуд повиновался. В Мосуле он стал известным продавцом кожаных изделий. Он занимался своим ремеслом три года, скопил большие деньги и намеревался купить дом. Но вдруг появился Хидр и заявил: «Отдай мне свои деньги, отправляйся из этого города в Самарканд и работай там бакалейщиком».

Моджуд повиновался. Он стал работать бакалейщиком в Самарканде. Вскоре он начал проявлять беспорные признаки озарения. Он исцелял больных, изменяя человеческие судьбы, произносил речи, которые

отличались пониманием сущности событий. Ему открывались тайны все более и более глубокие.

Муллы и философы посыпали его и спрашивали: «У кого ты учился?».

«Об этом трудно рассказать», - отвечал Моджуд.

У него появились подражатели и ученики. Они спрашивали: «Как ты начинал свою деятельность, о чём мечтал?»

Моджуд отвечал: «Я мечтал стать служащим палаты мер и весов».

«Но ты оставил это, чтобы посвятить себя аскезе?»

«Нет, я просто оставил это».

Ни ученики, ни философы не понимали его. Они предлагали ему описать историю своей жизни. «Что произошло в твоей жизни столь значительное, что привело тебя к просветлению?» - вновь и вновь спрашивали они.

«Я прыгнул в реку, потом стал рыбаком, потом ушел из рыбачьей хижины посреди ночи. После этого я работал у крестьянина. Во время укладки шерсти я изменил оценку жизни и отправился в Мосул, где

стал продавцом кож. Там я накопил деньги, но отдал их. Потом я отправился в Самарканд, чтобы работать бакалейщиком. Я продолжаю им работать. Вот и все. Как хотите, так и понимайте».

«Но это необъяснимое поведение не проливает света на твои необыкновенные способности и удивительные назидания», - говорили ученики. «Да, но это правда, так оно было на самом деле», - отвечал Моджуд.

Это была подлинная жизнь одного из величайших суфииев. Но биографы сочинили для Моджула другую, удивительную и захватывающую историю. Они считали, что у всех просвещенных людей должна быть история, соответствующая потребностям слушателей, а не реальностям жизни.

Нечто безмерно ценное сообщается в этой истории. Она говорит о жизни. То, как жил Моджуд, и то, что о нем написали биографы, являлись, в сущности, совершенно разными историями.

В этом смысле его жизнь характерна для многих людей. Их захватывающие внешние биографии совсем не похожи на прожитые ими внутренние жизни.

Глава VII

ПОСЛЕ БОЛЬШОЙ СМУТЫ

Уфимский муфтий и оренбургский мулла. - Визит Александра I в Оренбург и Уфу.

- Муфтий Габдессалам Габдрахимов. - Округ уфимского муфтиата. - Строительство резиденции Духовного собрания и уфимской соборной мечети. - Борьба с эпидемиями и пропаганда муфтишатом медицинских знаний.

1.

Россия конца XVIII - начала XIX веков страна настолько медленная, что все расстояния в ней огромны, даже расстояние от Петербурга до Москвы.

Историки любят приводить в качестве примера поездку императора Александра I на коронацию в Москву. В первый день, выехав из Петербурга, кортеж прошел 185 верст и остановился на ночевку в Новгороде. Во второй - 153 версты и заночевал в Валдаях. На третий - всего 92 версты и остановился в Вышнем Волочке. На четвертый - 134 версты до Твери. На пятые сутки - 113 верст до Пешек. На шестые - всего 50 до загородного Петровского дворца. И лишь на

седьмой день путешествия состоялся торжественный въезд в Москву.

Паровозного гудка на российских просторах еще не слышали, но из Петербурга в Кронштадт уже ходят пароход, именуемый «пироскафом». Сочинитель Фаддей Бенедиктович Булгарин после водного путешествия восторженно восклицает: «Догадаетесь ли вы, о чём я думал?.. Кто знает, как высоко поднимутся науки через сто лет!.. Может быть, мои внуки будут на какой-нибудь машине скакать в галопе по волнам из Петербурга в Кронштадт и возвращаться по воздуху. Все это я вполне предполагать, сидя на машине, изобретенной в мое время, будучи отделен железною бляхою от огня, а доскою от